

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НОВАЯ ЭРА

ЕВГЕНИЙ КАПБА

АКУЛА ПЕРА
В СССР

ВСЕГДА ГОТОВ ОПРАВДАТЬ ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ СОВЕТСКОГО ЖУРНАЛИСТА!

Евгений Адгурович Капба

Акула пера в СССР

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69275845

*Акула пера в СССР: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; М.; 2023
ISBN 978-5-17-156344-8*

Аннотация

Молодой и перспективный интернет-журналист, вкусив горького московского хлебушка, возвращается в родную провинцию и находит временное пристанище в районной газетке, с которой и начинал свою карьеру. Пьянка на рабочем месте со старой акулой пера – редакционным долгожителем, которого действительно «уходят» на пенсию, приводит к закономерным последствиям: пробуждение в кабинете на письменном столе, в голове гудит, во рту как будто кто-то сдох... Вот только вместо компьютера почему-то – печатная машинка и бюст Ленина, а на календаре значится 1979 год...

Содержание

Глава 1, в которой я попал	5
Глава 2, в которой всё не так плохо	18
Глава 3, в которой намечается план действий	31
Глава 4, в которой появляются олени	45
Глава 5, в которой есть место гонзо-журналистике	58
Глава 6, в которой появляется прекрасная незнакомка	71
Глава 7, в которой речь идет о прицепе	84
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Евгений Адгурович Капба

Акула пера в СССР

– И, Боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет.

– Гм... Да ведь других нет.

– Вот никаких и не читайте.

«Собачье сердце», Михаил Булгаков

© Евгений Капба, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Дорогие земляки, если вы читаете этот текст и знаете меня лично, от всей души прошу вас не искать в этом произведении аналогий с существующими или существовавшими в нашей изумительной провинции людьми, с местами, явлениями. Все схожести топографических названий и имен собственных – от лености автора, все возможные совпадения профессий, характеров, внешности – абсолютно случайны. Или нет.

Глава 1, в которой я попал

На столе стояла бутылка дерьмового минского вискаря, который делал вид, что он похож на шотландский. Викторovich с сомнением поболтал коричневой жидкостью на дне стакана и сказал:

– Ну самогонка, как есть! Лучше бы водки взял. И огурцов соленых вместо этих оливок.

– Ладно вам... Пьем? – спросил я.

– Пьем!

Пить на рабочем месте, прямо в редакции – идея так себе. Но тут ситуация располагала. Во-первых, номер ушел в печать, посты были разбросаны по соцсетям, и рабочий день уже закончился, и даже уборщица Инночка ушла из редакции, погрозив пальцем двум дурням – молодому и старому, на которых якобы напал творческий раж, и они усиленно долбили по клавиатурам, создавая видимость работы. Во-вторых, Герману Викторovichу Белозору не продлили контракт. Из отдела сельской жизни уходила целая эпоха. Не будет больше басовитого «Та-а-а-ак!» и въедливых критических материалов, исчезнут с газетных полос исторические расследования на основании раскопанных в архивах документов о жертвах нацистского террора и злодействах коллаборационистов... Конечно, Викторovich мог бы писать и будучи вне штата, но не станет – гоно́р не позволит, да и дел у

него на фазенде полно. Там – на охоту сходить, здесь – черники собрать...

– Ёж твою... пятьдесят лет я на них пахал, как папа Карло! – сказал Викторovich и как-то обессиленно махнул рукой. – Ни одного больничного, представляешь? Даже в коронавирусные времена! Да я восьмой десяток вот-вот разменяю, а тут любого на лопатки положу! А она говорит – пенсионер! Пора на отдых! Пигалица!

Я оглядел статную фигуру коллеги, его густую седую шевелюру, рот, полный крепких желтых зубов, и хмыкнул – это был по-настоящему великий старик! Но сказал совсем другое:

– И меня положите?

– И тебя положу. Даром что ты тоже у Лопатина занимался... Но с тобой я бодаться не собираюсь, парень ты спортивный, а у меня кости нынче медленно срastaются. Вот тридцать лет назад я бы тебя уделал одной левой, и лопатинские ухватки бы не помогли.... Я и Лопатина удеывал, но тогда он попроще был... Давай еще по одной?

– Давайте... – Виски полилось в стаканы.

В-третьих, я вернулся к родным пенатам не от хорошей жизни и теперь заливал зеленую тоску. Моя московская эпопея закончилась пинком под зад, едва-едва отданным долгом, разбитой рожей и разочарованием в людях. Заработал, мать его, больших денег, как же... Но я в общем-то об этом всё не жалел. Опыт всё-таки! Писать и работать за это вре-

меня научился, теперь нужен был просто небольшой перерыв, чтобы собраться с мыслями и залечить раны – и вперед, к новым свершениям. Ну там, горы сворачивать, звездочки с неба доставать.

А Леночка и ее братец черта с два до меня сюда дотянутся – для моей бывшей всё, что дальше ста километров от первопрестольной, терра инкогнита! Она однажды спросила, далеко ли от моей Дубровицы до метро? Я сказал, что до Чернобыля раз в двадцать ближе, так девушка обиделась – думала, что издеваюсь. Братец ее – Степан наш Витальевич, уродился такой же ограниченный, даром что коммерческий директор... Но девочка была чистенькой, приятной и очень симпатичной, а еще – никогда особенно не пыталась залезть в душу, ограничиваясь приятным времяпрепровождением. А Степушка позволял мне на работе хоть ноги на стол закидывать или не приходить вовсе – главное, чтобы у материалов охваты были хорошими, и выходили они своевременно. Наш портал с корпоративными новостями пользовался некой популярностью даже на городском уровне, и, кажется, в этом была львиная доля моей работы. Я почти поверил в счастливое будущее, когда милая Леночка на моей служебной машине разнесла чей-то «гелик» на парковке перед офисом. Убоявшись проблем с хозяином тачки, братик и сестричка не нашли ничего лучше, кроме как спихнуть сие деяние на меня. В общем – те типы из охранного агентства, которому принадлежала машина, разбили рожу мне, а я – Степушке.

Но деньги пришлось отдавать... И валить из Москвы в родную Беларусь, на самую ее периферию, в объятия дубрав и днепровских круч.

– Слушайте, Викторович, вы ведь охренительный журналюга, – после трех порций меня разобрало на откровенность. – Вы что, вот так и просидели в сраной Дубровице, в редакции районки всю жизнь? Вам никогда не хотелось чего-то изменить? Прорваться наверх, в конце концов – стать богатым и знаменитым?

– Дык! – сказал Белозор. – Почему нет? Я ведь тоже – вот так вот, как ты, ездил в Москву, в архивы – и такого там нарыл... Книгу готовил к печати! В семьдесят восьмом году вернулся – с большой головной болью и серьезным таким предупреждением, понимаешь ли... Мол, полез не туда.

– А куда полезли?

– Плюнь и разотри. Не стоит оно того... Был бы ты в моей шкуре – понял бы. А так объяснять – не объяснишь.

Мы выпили еще, закусили нелюбимыми Германом Викторовичем оливками, и салями, и ржаными хлебцами.

– Это выходит – я вас подсидел? Вас сокращают, а меня, молодого – берут? – наконец выдал я тревожащую меня мысль.

– Кх-х-х-х... Не-е-ет, даже не думай о такой ерунде. Никого ты не подсидел. Была тут одна, да забухала. Материалы сдавать перестала, переругалась со всеми... Ее вроде как даже уговаривать пытались вернуться на путь истинный, но

без толку. Так что плюнь! Ты для редакции – находка! Первый день на работе, а интернет весь твой. Сайт, телега, одноклассники, что там еще... Не мне, старику, тебе рассказывать. Она на тебя этот кусок работы живо спихнет. Нам как раз не хватало заведующего интернет-отделом, посмотришь – и двух дней не пройдет, как приказ подпишут... Знаю, знаю – ты больше по району побегать любишь, чем в комп очи лупить. Но есть у меня чуйка, что такова твоя судьба на ближайший год. Увяз коготок – всей птичке конец!

Я горестно взялся за голову:

– Давайте ещё выпьем, что ли? – В конце концов, мне хотелось отсидеться – вот вам пожалуйста, отсиживайся на здоровье, только геморрой не насади.

Государственная пресса в обожаемой синеокой республике – это кухня особая. А региональная пресса и вовсе – отдельная секта. И старый опытный сектант – Герман Викторович Белозор – мог о многом поведать вечно молодому и вечно перспективному мне. И – поведал, постоянно сбиваясь на истории из своей молодости. Он хвалил Машерова и ругал Горбачева, скрипел зубами, вспоминая Чернобыль, и матерился, говоря об Афгане. Идейным коммунистом Белозор не был, но Советский Союз искренне любил, а потому говорил о нем долго и увлеченно.

– Квартиру без кредитов, а? Дополнительные метры за то, что журналист – как тебе? Образование – бесплатное! В санаторий по путевке – бесплатно!... И знаешь что? Вот сейчас

ты меня поймешь... Народ поумнее был. Читал народ, понимаешь? И в шахматы играл! А сейчас что?..

Он по-стариковски принялся хаять смартфоны и зомби, залипающих в экран, а я достал свой гаджет и начал доказывать, что не все, кто пользуется техникой, идиоты. Я, например, книжки электронные читаю и работу работаю! Конечно, скатились и на политику, и на развал Союза, и на застой, и на партократию... И я пошел еще за одним вискарем.

* * *

Стук в дверь был резким, требовательным – как будто кто-то вбивал мне в голову раскаленные гвозди. Я попытался открыть глаза, и веки с трудом подчинились: первое, что я увидел, была гладкая поверхность письменного стола, а второе – небольшой бюст Ильича на стопке бумаги. Вот-те здрасте!

В дверь снова постучали. Я со стоном привел тело в вертикальное положение и тут же уронил лицо на ладони. Это ж надо было уснуть за столом в кабинете! Всё тело ломило, спина болела, ноги затекли, а во рту было ощущение настолько паскудное, что казалось, будто там кто-то сдох. Ленин! На кой черт Викторович притащил мне этого Ленина? И что это за бумаги?

Каллиграфическим почерком Белозора на первой странице бумажной стопки значилось: «СЕКРЕТЫ ФАНЕРНОГО ПРОИЗВОДСТВА». Та-а-акс, и какого черта он это мне на

стол положил, и почему у ребят на верстке не распечатал, а корячился от руки?

– Гера, ты на работе? – голос был молодым, женским и весьма приятным.

Пока я пытался сфокусировать взгляд на двери и понять, почему она покрашена белой краской и откуда взялась дверная ручка такой архаичной конструкции, в кабинет вошла весьма примечательная особа лет двадцати пяти – тридцати. Даже утренний бодун начал постепенно проходить! Аккуратные туфельки на невысоком каблуке, стройные загорелые ножки, легкое летнее льняное платьице, шнуровка, только подчеркивающая приятных обводов бюст крепкого второго размера, русые волосы, стриженные под каре... А еще – серые глаза, легкий румянец, чуть вздернутый носик и всё остальное, что делает белорусок такими уютными и привлекательными. Наконец, мой медленно ползущий по ее фигуре взгляд остановился на лице неожиданной гостьи. Брови девушки были нахмурены!

– А-а-а-а, так ты тут! Фу, открой окно! – тут же наморщила она носик. – Ты что – пил?

Ее взгляд переместился под стол, я волей – неволей проследил за ним и сглотнул: вместо бутылок из-под вискаря там тихо-мирно располагалась коньячная ёмкость с надписью «Двин». Вот это было уже страшновато – коньяк? Откуда в моем кабинете коньяк, я его на дух не переношу! Я что, догонялся третий раз?

– Гера, крутись как хочешь, но планерка через двадцать минут у шефа в кабинете, и мы очень ждем в номер твой материал по ПДО, – она развернулась на каблуках, и подол платья, взметнувшись чуть выше приличного уровня, обрисовал очертания ее крутых бедер.

«Арина Петровна, ответственный секретарь», – мелькнула в голове мысль-узнавание. И вдогонку – фамилия: Езерская. Какая, на хрен, Езерская? Ответственным секретарем в нашей районной газете «Маяк» (между прочим, самой успешной в области, благодаря всё тем же соцсетям, будь они неладны) была Виктория Якимович, интеллигентная женщина возраста постбальзаковского, а не какая-то Езерская с загорелыми ногами!

Дверь, захлопнутая Ариной Петровной, грохнула, на пол упал кусочек штукатурки. Штукатурки? Мой кабинет, обитель отдела городской жизни, был обклеен довольно дурацкими однотонными салатовыми обоями, и натяжные потолки установили давно, еще до первого моего контракта в редакции... Это, черт его дери, был НЕ МОЙ КАБИНЕТ и НЕ МОЯ РЕДАКЦИЯ!

Я обхватил голову руками и аж подпрыгнул – на голове моей буйным цветом колосились приличной длины волнистые волосы! После коньяка это стало вторым тревожным звоночком: я всегда стригся коротко, чтобы не заморачиваться с прическами и шампунями... А тут – такая шевелюра!

Глаза мои широко раскрылись, и наконец, осознание всей невероятности ситуации, в которой я оказался, пришло полной мерой. Или это была дурацкая шутка, типа розыгрышей от какого-то телеканала или крутого блогера, или я сбрендил. Отодвинув мерзко скрипнувший неудобный стул (и где мое замечательное мягкое компьютерное кресло?), подошел к зеркалу, отметив на ходу, что наряжен в ненавистные брюки со стрелками, тенниску и лакированные штиблеты (дичь какая). В этих клятых штиблетах ноги распухли и ныли нещадно.

Зеркало висело на том же месте, и шкафы стояли там же, только выглядело всё так, как будто обстановку перенесли сюда из квартиры моей бабушки. «ПДО, – мелькнуло в голове. – Дубровицкие предприятия деревообработки. Фанерный цех, завод ДСП, мебельная фабрика. Мебель – наша, дубровицкая».

Да и хрен бы с ней, с мебелью! Из зеркала на меня смотрел молодой мужчина – крепкий, широкоплечий, высокий, с чуть грубоватыми, рублеными чертами лица, пышной каштановой шевелюрой, неопрятной щетиной и опухшими глазами. Не красавчик, но в целом парень видный. Он и в семьдесят был мужиком что надо. И звали его Герман Викторович Белозор.

Говорят, во сне человек не может отражаться в зеркалах и читать книги дальше третьей страницы. Брехня! Мое воображение порой позволяло прочесть от корки до корки ка-

кой-нибудь буклет и увидеть у себя прыщи на носу в отражении в витрине магазина – и при этом не проснуться. Ну да, сны мне порой снились дикие и очень, очень реалистичные, но это вовсе не походило на сон!

Календарь с названием нашей газеты я увидел в зеркале, у себя за спиной, и тут же резко обернулся.

– Листья дубовые падают с ясеня, – сказал я голосом, который был на тон ниже моего. – Вот ни хрена себе, так ни хрена себе!

20 мая 1979 года – вот что там значилось в этом убудочном календаре крайне низкого полиграфического качества!

* * *

На меня снизошло ледяное спокойствие. Раз я допился и сбрендил, и сейчас нахожусь в Макановическом психоневрологическом диспансере под капельницами, в отключке, то время стоит провести с пользой. В конце концов, мне и во сне иногда удавалось управлять ходом событий – правда, недолго! Почему бы не вжиться в шкуру рожденного воспаленным рассудком виртуального персонажа – Германа Викторовича Белозора? Что там говорила Арина Петровна с загорелыми ножками? Планерка? Сходим и на планерку...

Я вышел из кабинета и направился в мужской туалет. Планировка редакции за пятьдесят лет не изменилась, а вот интерьеры очень даже. Особенно бесила криво наляпанная

штукатурка, с такими выступающими застывшими каплями, об которые запросто можно стереть кожу в кровь. Сантехника меня уже не удивила: обычный кран с барашками, на которых были отколупаны красная и синяя пластмассовые нашлапки и виднелись крышечки болтиков. Горячей воды у нас не текло и в двадцать первом веке, так что смысл этих нашлапок и вправду терялся. А вот бачок туалета был задран чуть ли не под самый потолок, и слив управлялся куском шпателя с какой-то металлической загогулиной, привязанной на конце.

Поплескавшись в раковине под краном и напившись воды, я еще раз глянул в зеркало: треснутое, маленькое и мутное, и подивился реалистичности сна: даже капельки стекают по морде, как настоящие! Фантастика!

В дверь туалета начали ломиться, я отодвинул шпингалет и столкнулся нос к носу с невысоким черноволосым и голубоглазым мужчиной лет сорока. «Даниил Давидович Шкловский, отдел сельской жизни...» – услужливо подсказала память баском Белозора.

– Ну, енот-полоскун! – сказал Даня. – Плохо выглядишь, Гера... Про планерку не забыл?

Забудешь тут! Я молча отсалютовал ему кулаком, мол, «но пасаран», и отправился в кабинет за материалом по фанерному производству. Скорее всего, Арина Петровна имела в виду именно это, когда говорила о ПДО. Градообразующее предприятие, однако! Флагман лесопромышленно-

го комплекса области и всё такое. А сейчас им руководит... Волков! Василий Николаевич Волков! А через лет пятнадцать он займет пост председателя горсовета...

Я с ужасом себя одернул – это что значит: сейчас? Нет никакого сейчас, есть сон, очень реалистичный... Заливают меня сейчас навязчивые люди в белых халатах всякими мельдониями, промедолами и фенибутами, или что там вкалывают от белой горячки, и проснусь я в неприятных стенах с кафельной плиткой. Я заметку про Макановический диспансер писал – знаю, о чем говорю...

В приемной сидела хмурая молодая женщина со сложной прической. Она осуждающе глянула на меня и поцокала языком. Дверь в кабинет главного редактора была открыта, но я специально задержался, чтобы глянуть табличку и не опростоволоситься.

Главным редактором единственного и неповторимого печатного органа родного Дубровицкого района на данный момент был некто Сергей Игоревич Рубан. Видимо, это он и восседал за громоздким письменным столом на фоне переходящего красного знамени, которое, как снова подсказала память, наша редакция отобрала у конкурентов – мозырской «Новой жизни». С обеих сторон от знамени висели портреты: Леонида Ильича Брежнева и Петра Мироновича Машерова. Вот такой у нас, оказывается, ярко выраженный местечковый патриотизм, однако!

Вся стена была сплошь увешана почетными грамотами и

дипломами – говорю же, быть на хорошем счету – это у нашей редакции такая традиция... Что во сне, что в реальности.

– Герман Викторович, вам нехорошо? – вежливо поинтересовался шеф и подозрительно принялся. – Присаживайтесь, не стесняйтесь.

Конечно, единственное свободное место было рядом с Ариной свет Петровной, которая демонстративно отвернулась:

– Даже не дыши в мою сторону, слышишь? – прошипела она.

Ишь, какая цаца! Я ощутил приятный запах ее духов – и где только взяла, в эпоху-то нарастающего дефицита? И вдруг меня будто током ударило: запах во сне! Какой, к еб... матери, во сне может быть запах?

Глава 2, в которой всё не так плохо

– Гера, останьтесь, – сказал шеф, когда планерка окончилась и раздача слонов состоялась.

Я остался, пытаюсь держать лицо. Сергей Игоревич строго блеснул на меня стеклами очков в роговой оправе.

– Считайте, что сегодня у вас отгул. Материал вы сдаёте? Давайте его сюда, Арине Петровне, как вычитаю – отнесу... Всё, Гера, пойдите домой, приведите себя в порядок, отдохните, на речку сходите, вон какой разлив в этом году красивый... Нужно жить и работать дальше. Вы меня поняли?

Мне пришлось кивнуть, хотя я ни черта не понял.

– И вот вам совет – с большевистской прямоотой: вам нужно жениться. Присмотритесь хоть в редакции – у нас тут есть незамужние девчата! – На сей раз стекла очков заблестели игриво. Вот уж седина в бороде! – Не девчата – огонек! А муза ваша театральная – ну ее, ей-богу, она вам только голову морочит!

Я даже удивился, когда при упоминании некой театральной музы щеки Геры-меня вдруг загорелись. Он что, влюбленный? Ну не-е-ет, этого паскудства мне и даром не надь, и за деньги не надь. Будем избавляться! Влюбленность, в отличие от любви, состояние физиологическое, основанное на биохимии, и потому справиться с ним возможно.

– Спасибо, Сергей Игоревич, я действительно что-то рас-

клеился. Нужно время собраться с мыслями. Завтра буду готов к труду и обороне!

– Смотри мне! Завтра работы полно, людей не хватает, поэтому чтобы огурцом был, понятно?

– Понятно!

Явно кроме влюбленности у Белозора в жизни было что-то еще, о чем знали все, кроме меня. Вернувшись в кабинет, я провел короткую ревизию помещения и обнаружил в шкафу на вешалке пиджак – в тон брюкам. Пошарив по карманам, нашел паспорт, пару десятирублевых купюр, монетки и – стальной кастет, массивный, с упором для ладони и отверстиями для четырех пальцев. Ай да Гера, ай да сукин сын!

В паспорте нашел страничку с пропиской и облегченно вздохнул – всё тот же домик в Слободке, на окраине Дубровицы, где Викторович проживал и в далеком теперь 2022 году. Я бывал у него в гостях, потому вроде как заблудиться не должен... Из паспорта выпала и спланировала на пол сложенная вчетверо бумажка, заложенная за обложку, потому я не рассмотрел ее раньше.

На документе, как положено в двуязычной республике, значилось «ПАСВЕДЧАННЕ АБ СМЕРЦІ» – «СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ». М-да. Неделю назад у Белозора умерла мать.

Перекинув через плечо пиджак, я пошел по коридору к выходу, отсалютовав Аленушке из приемной, которая подкрашивала ресницы, глядя в ручное зеркальце. Алена – еще

одна из тех незамужних «девчат-огоньков», о которых радел шеф.

– Ты куда это, Белозор? А ну, запишись в журнале...

– Отгул у меня!

И побыстрее сбежал, закрыв за собой тяжелую металлическую дверь.

* * *

Чертовы ясени. Я никогда не понимал этой схемы с кронами ясеней. Жалкие обрубки деревьев, кроны которых с мясом выпилили коммунальщики, торчали посреди майской зелени, вызывая жалость и недоумение. Ну да, линии электропередачи. Ну да, растёт клён ясенелистный довольно быстро, но несколько месяцев между очередной «стрижкой под ноль» и моментом, когда дерево пустит свежие зеленые побеги, город выглядел как тифозный барак с лысыми пациентами. Беленые стволы с корявыми утолщениями на месте крон торчали вдоль всех центральных улиц – и безумию этому конца не будет – в ближайшие сорок два года точно!

Я вдохнул необыкновенно чистый воздух и глянул вдоль улицы Чапаева. Это ведь была картинка из детства! Магазин «Юбилейный», бабулечки, продающие семечки на его высоком крыльце, одинокий велосипедист, без опаски крутящий педали прямо на проезжей части. Из щелей асфальта пробиваются одуванчики, щебечут птицы, на балконах хрущевок

сушится белье...

Внешний облик Дубровицы кардинально изменился только в 2007 году, когда в нашем районе проводили республиканский сельскохозяйственный праздник «Дажынкі». Отштукатурили и выкрасили серые панельные дома, разбили несколько скверов и фонтанов, покрыли новомодной плиткой тротуары... Потом стали появляться сетевые магазины и частные павильоны, торговые центры и бутики. Но до этого – всё мое детство – я помнил родной город именно таким, провинциальным, серо-зеленым, сонным...

Я решил дойти до Слободки пешком, чтобы привести мысли в порядок и осмотреться. Шел наискосок, срезая через дворы, и дивился отсутствию машин на парковках, обилию зелени и минимальному количеству мусора и рекламы. Ни тебе пластиковых бутылок у подъездов, ни наклепленных на асфальт пожеванных жвачек... Шелуха от семечек да редкие бумажные обертки от конфет – вот и весь мусор.

Мимо продефилировал мужичок в растянутых на коленях трениках и майке-алкашке. В руках у него было мусорное ведро, которое он выбил в контейнер, потом подцепил двумя пальцами подстеленную на дно газетку – всю в вонючей жиже – и отправил ее следом.

– Никанорыч! Давай к нам, козла забьем! – Из беседки доносилось характерное ляпание костяшек по столу – пенсионеры играли в домино.

На скамейках сидели старушки и обсуждали предстоя-

щую олимпиаду, какую-то Люсю из пятой квартиры и новый рецепт кабачковой икры. Из подъезда выскочила женщина в цветастом халате и громко крикнула:

– Симочка сказала, в «Хозтовары» закаточные ключи привезли!

Бабоньки как-то разом подобрались и разбежались по квартирам – наверное, собираться в магазин. Я шел дальше. На горизонте замаячил городской Дом культуры, и сердце Геры (мое сердце) вдруг предательски сильно застучало. Та-а-ак! Если и есть в Дубровице театральная муза, то обитает она именно здесь. Народный театр – он один такой на этом свете, я как-то писал про них статью, так что помню, что история его корнями уходит аж в далекие шестидесятые... Впрочем, не такие и далекие.

Я собирался обойти сию обитель муз по широкой дуге, как вдруг довольно низкий для женщины, грудной голос позвал:

– Гера! Товарищ Белозор! Вы что, так и собирались пройти мимо?

И тут тело выдало фортель: ноги сами понесли несчастного товарища Белозора в сторону обладательницы специфического тембра. Волевым усилием я остановил этот бег вприпрыжку и остановился. У Викторovichа в молодости определенно был вкус, но не было чуйки на людей... *La femme fatale* как она есть!

Высокая, всего на полголовы ниже почти двухметрового

Геры-меня, в сценическом костюме, который изображал не то волшебницу, не то принцессу, эта эффектная брюнетка с лицом, живо напомнившим какую-то из голливудских актрис последнего поколения, она стояла у заднего входа в ДК и курила, делая короткие затяжки.

Меня никогда не привлекали курящие женщины, но Геру это, видимо, не смущало. Но, как говорил один из христианских мудрецов, «Плоть слаба, дух животворит!» А духом был я, так что скрутил разбушевавшиеся гормоны и эмоции в бараний рог и глянул на нее повнимательнее. Узнавание пошло сразу на двух уровнях – моем и Герином. Память Белозора выдала: «Машенька Май, руководитель Народного театра при ГДК, ах, ох, как же она хороша, и какое я ничтожество по сравнению с ней». Ну или что-то вроде этого, слишком запутанный букет. А моя собственная память выдала трёхэтажный мат. Это была Мария Никитишна, бабушка моей одноклассницы Марины – той еще стерляди.

Эти Май, кажется, размножались почкованием и фамилию передавали по женской линии. По крайней мере, ни у Марии Никитишны, ни у ее дочери Маргариты Ивановны, ни у незабвенной Мариночки Май мужей замечено не было. С Мариночкой у нас были отношения специфические: все старшие классы пыталась ввести меня в список своих запасных аэродромов, я же из природного упрямства ее злодейски троллил, категорически не желая быть одним из многих. Хотя девочка была исключительных природных данных, к тому

же отличница, ну и артистичная, умела себя подать, когда хотела.

Теперь было ясно, откуда всё это. Не эхо войны – генетика!

– Гера, вы меня не слушаете? Вы ведь придете на премьеру?.. – она чуть поменяла позу.

Я думал, эти фишки появились с явлением такой казни египтской, как Инстаграм, а оказалось – женщины владели этим вечность.

– А когда премьера?

– Сегодня, Гера! – в ее голосе было столько укоризны, что, будь я Герой, я бы точно приперся с огромным букетом цветов, на который, наверное, потратил бы всю оставшуюся двадцатку.

Но Героем я не был и потому глянул ей в глаза и сказал:

– Нет, – и, развернувшись на каблуках, пошуровал по асфальтовой дорожке прочь.

Он мне еще спасибо скажет, если мне удастся свалить отсюда обратно, в своё тело и своё время.

До Слободки было около пяти километров, так что времени на подумать хватило. Я уже понял, что со мной случилось, и принял это как данность.

Я – *попал*. Ну так, как попадают герои книжек про попаданцев. Только не в обожаемый мной век девятнадцатый, железный, поистине суровый век, с пароходами, револьверами, сыщиками, хрустом французской булки и прогрессом,

который шагает семимильными шагами, а в самый советский из всех периодов. Брежневская эпоха, она же застой. Время юности моих родителей, эдакий глаз бури между ужасами Великой Отечественной и маразмом перестройки. Черных воронок и краповых околышей уже не было, черных кожанок и бритых затылков – пока не было. Можно было выдохнуть и осмотреться. В конце концов, вдруг я тут временно? Может быть, если хорошенько напиться еще раз, то вернусь обратно? Что там у него было – коньяк? Ненавижу коньяк.

Но в магазин зашел. «Дружба» была как раз по пути. С таким названием гастронам просуществовал долго, только году этак в 2020-м его выкупили и переименовали во что-то американоподобное. Но здесь «Дружба» предстала передо мной во всей красе.

Первое, что я увидел, отворив двери, – это монументальная краснощекая продавщица в халате, который имел в виду, что он белый, и в синем переднике. Богатырскими движениями она нарезала вареную колбасу и заворачивала ее в крафтовую оберточную бумагу, и в таком виде взвешивала на больших синих весах. Потом орудовала гирьками, называла вес, цену, протягивала кусок вождленной докторской покупателю и с видом царицы говорила:

– Дальше!

Я, как зачарованный, смотрел на толстенную стопку бумаги, которая уменьшалась весьма стремительно, и пытался посчитать, какие бабки эта хитрая тетка делает в сутки или

сколько батонов колбасы она уносит домой в конце смены?

– Кабы добра жыць у шчасі, трэба красці, красці, красці! – сказал мне в самое ухо дедок в какой-то странной тюбетейке. – Глянь, какой мамон Гавриловна наела! Небось не бумагу топчет! Ты в очереди стоишь или так – посмотреть пришел? Колбасу когда еще завезут, так что давай, шевелись.

Я только хмыкнул и пошел в ликеро-водочный отдел за коньяком. «Двин» я тут, пожалуй, не найду – не тот уровень, а вот что-нибудь попроще...

Что-нибудь попроще стоило четыре рубля пятьдесят копеек и было ординарным трехзвездочным коньяком, бутылка которого идеально вошла во внутренний карман пиджака. На выходе я полюбовался на очередь с банками и бидонами – за сметаной, и продавщицу, которая наливала эту самую жирнющую сметану при помощи гигантского черпака жестами, достойными кисти Боттичелли.

– Проходите, товарищ, не задерживайтесь! – засуетились сзади, и я вышел наружу. Дубровица была гораздо менее многоэтажной, чем в мое время, только-только был возведен Квадрат – так в народе звали район панельных девятиэтажек. Частный сектор преобладал – из деревянных и кирпичных хат доносились запахи стираной одежды, табака и, конечно, жареной бульбы – с луком, салом и первым весенним укропчиком – самой вкусной еды в мире!

Рот наполнился слюной, и я понадеялся, что у Викторovichа дома есть какие-никакие запасы продовольствия, пото-

му что возвращаться в магазин категорически не хотелось.

* * *

Вообще-то всё было не так плохо. Например, угоди я в Средневековье – там и думать нечего, сдох бы в первый день. На костре бы сожгли, как колдуна, или сам бы помер, порезавшись о незнакомую острую железяку. Ну и чисто статистически – занесло бы меня, скорее всего, в крестьянина, а если проводить параллели с профессией – то, например, в герольда или монаха-летописца, тоже не слава богу. Да и та же любимая эпоха пара и телеграфов грозила антисанитарией, эпидемиями, голодом и сословным неравенством. В конце концов, я угодил в родную Дубровицу, то есть начинать нужно было не совсем с нуля, кое-какие базовые знания у меня имелись. Попади я в ту же Москву – справиться было бы гораздо тяжелее! Опять же – родная редакция, где всё в общем-то знакомо, только вместо набора статей на компьютере нужно было писать от руки или идти кланчить печатную машинку, а верстали всё не индизайне, а на листе ватмана, вручную, вымеряя линейкой площадь фотографии и размеры текста статьи.

Гера в качестве реципиента и вовсе был подарком. Не молодой Сталин, конечно, и не цесаревич Константин Павлович, но... Плюсы определенно были. Герман Викторович Белозор обладал титаническим здоровьем. Он действительно

не уходил на больничный *ни разу* за пятьдесят лет работы в редакции. Его не брала ни одна зараза, ему не вырезали аппендицит и не лечили зубы. Фантастика? Есть женщины в русских селеньях, а есть мужики на полесских болотах... У Белозора вроде как была репутация честного и дотошного человека, коллеги его, судя по всему, уважали. Смушал каскет в кармане пиджака – с этим еще предстояло разобраться.

Как бы это цинично ни звучало – большим плюсом было его одиночество. Мать или жена мигом раскусили бы подмену. В этом плане на руку играл и дом в Слободке – внимательные бабуся у подъезда и участливые соседи в хрущевке тоже могли бы заподозрить неладное. А еще – мы с Герой были в целом похожи. Не знаю, как бы я владел телом, например, значительно ниже или толще моего. Помню, в подростковом возрасте постоянно бился головой о перила в автобусе, никак не мог привыкнуть, что вырос...

Мимо проехал, лязгая и выпуская клубы дыма, желтый венгерский «Икарус» с гармошкой, и я умилился – как будто увидел друга детства. Я еще застал эти пепелацы, уже совсем ржавые и раздолбанные, но тянущие лямку и исправно катающие по городу пассажиров.

Проходя мимо двухэтажных домишек сталинской еще застройки, я задержал взгляд на моложавом мужчине в очках, который ковырялся под капотом легендарной, на вид вполне новенькой «ремзаводовской» «Волги» ГАЗ-М-21, и мое сердце екнуло: этот человек спас... Спасет! Он спасет мне

жизнь, поставит на ноги семилетнего мальчика после автомобильной аварии в 1998 году... Михаил Федорович Тиханович – хирург от бога. Он был жив, жив!

Тут в моей голове что-то щелкнуло: чем обычно занимаются попаданцы? Меняют историю! Черта с два я буду спасать СССР, мне это и на хрен не впилось... Но самую малость сделать так, чтобы моя родная провинциальная Дубровица и такие люди, как Тиханович, Арина Петровна, Василий Николаевич Волков и Гера Белозор, пережили будущие смутные времена в ситуации, несколько более благоприятной, чем та дичь, что свалилась на наши палестины в конце восьмидесятых – начале девяностых, это было вполне реально!

Я, черт его дери, знал свой город, знал его историю – и общался, и писал про многих из тех, кто сейчас полон сил и энергии, кто действительно строит дивный новый мир... Медики, педагоги, инженеры и директора предприятий, спортсмены, милиционеры – если капельку подтолкнуть их в нужном направлении, можно пустить такие круги по воде, что Новые Васюки Остапа Бендера по сравнению с Дубровицей покажутся долбаным Мухосранском!

Чернобыль не бахнул, Машерова не убили, Горбачев еще не член Политбюро, Афган...

Я остановился, чтобы выругаться. Мой шикарный лакированный штиблет по самую щиколотку провалился в кучу конского дерьма. Лошадки паслись тут же, на газоне у банка.

Бюст Ильича на постаменте строго взирал на копытных, которые отгоняли хвостами мух и трясли бошками, пощипывая свежую зеленую травку. Почти центр города, улица Советская...

Отряхнув как можно более тщательно обувь, я подумал о том, что до ввода войск в Афганистан осталось полгода, и тут хоть наизнанку вывернись – ни хрена не сделаешь. Будь ты хоть трижды попаданец.

Глава 3, в которой намечается план действий

После ночного дождя песчаная улица стала более или менее проходимой, ручейки воды уже стекли в сторону Днепра, и я шел, выискивая взглядом знакомые дома – и не находил. Слободка в начале двадцать первого века превратилась в буржуйский поселок: сиротские домики белого кирпича высотой в два-три этажа с высоченными заборами и затейливыми воротами, и флюгерами на крышах росли тут, как грибы после дождя.

Сейчас всего этого мещанского великолепия не наблюдалось – эдакая сельская пастораль царила вокруг. Бревенчатые и кирпичные хаты с крышами из шифера, иногда – из дранки, с резными наличниками на окнах, непременно ставнями и лавочками у калиток. Курочки в траве у заборов гребли лапами и клевали что-то с важным видом, морально разлагалась на нагретой солнцем бетонной плите ледащая псина. Стучали клювами вернувшиеся с югов аисты-буслы, пританцовывая в своем гнезде, сооруженном на тележном колесе, которое местные укрепили на срезанной верхушке дерева.

Я глубоко вдохнул чистый воздух, в котором слышался уже запах реки и заливных лугов, и напряг память Геры,

вспоминая номер дома и улицу.

– Германушка, сынок, а помоги бабуле? А то я за один раз четыре ведра не унесу, а возвращаться страсть как не хочется, – раздался бодрый голос за моей спиной.

– Пантелевна! – память выдала отчество старушки сразу же. – Конечно, давайте сюда ваши ведра!

Это была одна из тех стальных бабушек, на которых держится мир. Платочек с цветочками, аккуратные кофточка и юбка, калоши: вроде бы всё и простенько, но со вкусом. В руках Пантелевна держала четыре металлических ведра, и двигалась она к колодцу, который стоял тут же, у забора.

– Кш-ш-ш-ш! – шикнула бабуля, и не меньше четырех разомлевших на крыше навеса котов порскнули в разные стороны. – Это коты Якова! Яков – он ведзьмак, я сама бачила, как он ремни до березы вяжет и заломы на поле робиць...

Эти белорусские мягкие «дз» и «ц» как-то сразу согрели душу, несмотря на упоминания про ведьмака. Уверен, Яков рассказывает всем вокруг, что ведьма – это как раз Пантелевна, вот у нее вороны постоянно на даху сидят! Я крутил ворот, спуская ведро на дно колодца, выложенного бетонными кольцами, и наливал студеную воду, бабуля придерживала свои оцинкованные сосуды.

– Германушка, а ты мне дров не наколешь? А я уж дранички в печи сготовлю, да со свежую сметаной, м? Ты ведь один теперя, как Федоровна-то отошла в мир иной, Царствие ей Небесное...

В груди у Геры что-то шевельнулось, но я, как бы это ни было цинично, ничего по поводу смерти его матери не чувствовал. Поэтому только кивнул:

– И дров наколю!

Пока я пыхтел с двумя полными ведрами, стальная бабушка Пантелевна уже добежала со своими до дому, вынесла мне колун на длинной ручке и жбан с взваром, чтобы было чего попить, если утомлюсь.

– Ты сходи домой переоденься-то, Германушка...

Мы были соседями, и высокая, на кирпичном фундаменте, изба семьи Белозоров стояла буквально напротив, на другой стороне улицы. Клямкнув калиткой, я вошел внутрь, открыл ключом простую, деревянную, выкрашенную белой краской дверь и остановился в сенцах. Проходить дальше не стал – не хотел начинать знакомство с новым-старым домом впопыхах. Тут имелись кирзовые сапоги, галифе, потерянная и выдававшая виды рубаха – в самый раз для колки дров.

Напоминая себе Челентано, я взялся за работу. Гера был парнем крепким, атлетичным, да и топор в руках держать ему явно приходилось – мозоли были на нужных местах. Я тоже вырос в частном секторе и работы не боялся, а потому – березовые и сосновые чурбачки раскалывались под ударами один за другим, куча дров постепенно уменьшалась.

Физическая работа помогла собраться с мыслями.

Я попал – с этим пришлось смириться. Идея по возвращению в свою реальность у меня была, но следовало продумать

и вариант с зависанием тут всерьез и надолго. Тем более что условия были если и не тепличные, то близкие к ним. У всякого попаданца есть сверхмиссия – например, выиграть Великую Отечественную досрочно, спасти СССР, предотвратить пандемию коронавируса... У меня таковой не наблюдалось. Ни тебе голосов в голове, ни интерфейса, который появлялся бы перед глазами, ни Божественного откровения.

Однако – если миссии нет, это не значит, что ее нельзя себе придумать! Спасать Советский Союз я точно не собирался: не верил я в свои способности на этом поприще, да и увиденное здесь пока что не тянуло на эталон общества и государства. Та же республика Беларусь в моем времени выглядела куда как более презентабельно. По крайней мере, дома в яркие цвета были выкрашены и народ одевался поприличнее... В космос, правда, не летали и танки белорусские под Варшавой не стояли, но, может, и бог с ними, с танками?

Мелкобуржуазно? Ну да. Не проникся я пока духом коллективного труда и причастности к некому лучезарному единству, а пломбиром из натуральных сливок белоруса не удивить, как и другими продуктами по ГОСТу. Может, еще проникнусь – я тут всего несколько часов, в конце концов.

Но по всему выходило: делать что-то эдакое всё-таки придется. Попасть в прошлое и не попробовать поэкспериментировать? И я точно знал, на что у меня хватит сил и способностей, а что можно было бы попробовать изменить, но не особенно огорчаться, если не получится.

Я никогда в деталях не изучал историю СССР, хотя по образованию и являюсь историком. Мои интересы и симпатии тянулись к несколько другой эпохе, лет на сто раньше моего нынешнего положения на хронологической шкале. Но при этом считал себя довольно эрудированным краеведом и живо интересовался прошлым родной Дубровицы. А еще писал в свое время цикл статей о выдающихся горожанах – тех, кто строил дубровицкие заводы и фабрики, поднимал сельское хозяйство и возглавлял район. Со многими из них мне довелось пообщаться вживую – они еще были живы тогда, в далеком теперь 2022 году, эти титановые старики. И это было моим самым главным козырем, тем самым роялем. Попади я, например, в Америку – даже с сохранением фрагментов памяти реципиента – мне пришлось бы туго. Но здесь, на малой родине, я мог развернуться!

Спасать Дубровицу в прямом смысле этого слова необходимости не было. Конечно, родненький приднепровский районный центр никто с лица земли стирать не собирался, и войн со стихийными бедствиями в ближайшие сорок лет тут не предвиделось... Но был Чернобыль и была разруха девяностых. И то, и другое превратило очень перспективный город, крупный промышленный центр и транспортный узел в очередной Мухосранск, откуда уезжает молодежь, и где есть всего лишь три-пять градообразующих предприятий с приличными зарплатами...

Но пока – пока всё было совсем по-другому, и уже поэто-

му это время и эти люди вызывали уважение.

* * *

– Пантелевна! – я стянул с себя рубаху и утерся ею же. – Закончились дрова уже!

– Да ты, мабыць, двужильный, Германушка? Этак и жонка тебе не одна нужна будет, а две! И не прокормить тебя, наверное? Вон какой ты вялики!

Организм у Белозора-меня на самом деле был великолепный. Такой легкости в движениях, такой координации я в своем теле никогда не чувствовал. Вот что значит – генетика! Полешуки – они такие.

После горы поколотых и сложенных дров чуть-чуть ломило поясницу, руки и плечи налились приятной усталостью. Пожалуй, было понятно, почему Викторович уверял, что положит на лопатки в редакции любого – даже в свои семьдесят лет. И какого черта он в армии не остался? Был бы там каким-нибудь спецназовцем ГРУ и резал бы сейчас сомалийских пиратов или готовился к штурму дворца Амина... Ну да, в общем-то, понятно, почему не остался. Не того склада наш Викторович. Он человек размеренный, спокойный. Не то что я. Хотя, если вспомнить кастет в кармане...

У Пантелевны нашлась пахнувшая нафталином тельняшка – ее я и надел, умывшись перед этим в бочке с дождевой водой, которая стояла под водостоком.

– Цыганы делали! Народ вороватый, но и рукастый тоже... Они к Купалью сюда из Молдавии доезжают... Будет липень – отложи грошей, и себе купишь. Ну, пойдем драничков покушаешь.

Липень – это июль.

Жаренные в печи драники из белорусской бульбы, да с густой сметанкой, золотистые, с корочкой, посыпанные мелко нарубленным только-только взошедшим зеленым луком, который рос в ящиках на окне, рядом с помидорной и огуречной рассадой – это было нечто! Я разве что не урчал от удовольствия, а Пантелевна знай подкладывала.

– Ты приходи ко мне вечерять, Германушка. Хочешь – приноси харчи, а я тебе гатуваць буду?

– Ух, Пантелевна, предложение – самое замечательное. А холодильник у вас есть?

– Это откуда? – удивилась она. – В леднике храню! Погреб у меня... Ты ж сам зимой с Петровичем лед на Днепре пилил!

– А, точно... Запомятовал.

– Ну ты кушай, кушай... Может, тебе чарку налить?

Пантелевна не стала ждать ответа, достала откуда-то бутыл с мутной жидкостью, поставила на стол. Следом за ней появились два граненых стакана. Бабуля лихо плеснула ровно на толщину пальца – себе и мне.

– Ну, Германушка, будзьма! – и опрокинула залпом в себя огненную воду.

Во даёт бабка! Когда я выпил этого зелья, то разве что дым из ноздрей не пошел. Крепости горелка была невероятной! В свое оправдание она сказала:

– Чтоб кровь старую разогнать.

Я засобиравлся домой, поблагодарив замечательную старушку за ужин, и, ощущая приятную теплую тяжесть в желудке, вышел на улицу.

* * *

Было уже поздно – дрова и драники отняли кучу времени, потом я еще осматривал свои новые владения – дом, сарайчик, баню и огород – проводил инвентаризацию. И даже мощный белозоровский организм уже рубило спать. Электричество в доме имелось – по улице шли ЛЭП, а потому, щелкнув выключателем, я быстро сориентировался со спальным местом: Гера обитал в большой комнате с тремя окнами, на жесткой кровати с тюфяками. Это было прекрасно – пружинные чудовища с продавленными человеческими задницами-впадинами оставались моим кошмаром с самого детства.

Присмотрев на завтра свежую одежду в шкафу, я погасил освещение и уселся за письменный стол. При свете странного ночника из мыльного камня в виде совы принялся распивать бутылку коньяка, надеясь, что это поможет вернуться в такой паскудный, но всё-таки родной две тысячи два-

дцать второй. Одновременно с этим я нашел в ящике полпачки писчей сероватой бумаги и простой карандаш и между глотками ненавидимого мной напитка – прямо из горлышка! – выводил пункты плана по спасению мира, то есть преращения Дубровицы в Нью-Васюки и центр вселенной.

1. ДЕНЬГИ – ВАРЯЖСКИЕ КЛАДЫ – МОХОВ – МЕТАЛЛОИСКАТЕЛЬ.

2. НЕФТЯНКА – МЕСТОРОЖДЕНИЯ – ИСАКОВ.

3. ГИДРОЛИЗНЫЙ – ЛИГНИН – КОТЛЫ – СХЕМА.

4. ПРИРОДНЫЙ ПАМЯТНИК – МИНЕРАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ – ВЕКОВЫЕ СОСНЫ – ЗДРАВНИЦА.

5. ДЕРАЖНЯ – ВТОРАЯ ХАТЫНЬ – МЕМОРИАЛ.

6. МОРЕННЫЙ ДУБ – ПДО – ВОЛКОВ.

7. БРАКОНЬЕРЫ – БАЗА – ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ.

8. ПОРЫВЫ НА КОЛЛЕКТОРЕ – ВОДОКАНАЛ – ДИРЕКТОР?

9....

Бутылку я не осилил и, почувствовав, что еще стопка, и меня вывернет наизнанку, повалился на кровать, надеясь проснуться если и не в своей малосемейке на диване, то хотя бы на койке Макановического психоневрологического диспансера.

* * *

Звук механического будильника был резким и мощным, и

таким гадостным, что я подскочил, матеря всё на свете, споткнулся о табурет у стола, сшиб сову из мыльного камня и пришел в себя, глядя в зеркало большого трюмо у стены. Это был всё еще он – Герман Викторович Белозор, двадцати семи лет от роду, надежда и опора региональной прессы СССР. Роба у него-меня была опухшая и какая-то грустная. Голова трещала, во рту снова поселились дохлые псины, и я дал зарок – никакого больше алкоголя, пока не освоюсь тут окончательно. Я, на хрен, даже не помнил, что заводил клятый будильник! На шесть, чтоб его, утра!

Память – моя, а не Герина – подсказала, что у Белозора была банька. Как раз примерно этих годов постройки. И сортир – кирпичный, капитальный, вполне культурный, но во дворе. Приведя себя в порядок ледяной водой из бака в бане, я наконец почувствовал жизнь. Майское утро было чудесным: пели птички, природа расцветала, и вообще – всё было не так уж плохо.

Позавтракав наскоро приготовленной овсяной кашей со сгущенным молоком, я направил свои стопы на остановку. Было странно просто ждать транспорта – ни тебе в интернете полазать, ни музыку послушать, ни книжечку с любимого автора тудея почитать... От информационного голода сосало под ложечкой, и я решил сегодня же завести моду таскать с собой или какие-нибудь газеты, или книжку. В библиотеку, что ли, записаться – классиков перечитывать?

В лупоглазом ЛАЗе, который, фырча дымом из трубы,

подъехал к остановке, было полно людей. Автобус Горошков – Автостанция всегда пользовался бешеным спросом – сельчане ехали на рынок, пенсионеры – в поликлинику, трудовой народ – из пригородов в заводской район. Мощным движением бедер какая-то огромная тетка втиснула меня в проход между сиденьями, и я волей-неволей устоялся на семейную пару – бабушку и дедушку интеллигентной наружности, которые держали на коленях корзину с крышкой. Корзина шевелилась независимо от хода автобуса, крышка таинственным образом приподнималась.

– Подвиньтесь, товарищ, что вы плечи-то растопырили! – тетка попыталась отвоевать себе еще немного места.

– Ничего я не растопыривал, они у меня такие от природы... – попробовал оправдаться я.

– Он еще и спорит, вы послушайте!..

Что мы должны были послушать, узнать не удалось – ЛАЗ подскочил на колдобине, люди посыпались друг на друга, крышка корзины распахнулась, и на свет божий полезли котята.

– Лови их, Петя, лови! – кричала бабуля.

– Уберите их от меня, уберите! – кричала тетка, поскольку один из котят провалился ей в излишне откровенное декольте.

Ничтоже сумняшеся, я выхватил из ложбины между пышными грудями орущее и паникующее существо и тут же сунул его в корзину. Старичок благодарно глянул на меня, а

тетка хлопала своими глазами и всё время повторяла:

– Какой нахал, однако! Какой, однако, нахал. Однако какой нахал! – пока не вышла на своей остановке у Метизного завода.

Сразу стало гораздо свободнее. Двери уже начали закрываться, и ЛАЗ тронулся, когда водитель притормозил, ожидая кого-то. В автобус чуть ли не на ходу влетела запыхавшаяся Арина Петровна, вся раскрасневшаяся, чуть растрепанная и прехорошенькая от быстрого бега. Как можно бегать в туфлях с каблуками? И в такой узкой юбке? Но у ответственного секретаря вполне получилось. А вот удержаться на ступеньке – нет, и она бы совершенно точно или выпала из ЛАЗа или была бы зажата дверями, если бы я не среагировал – ухватил за запястья и притянул к себе. Автобус тут же тронулся, и мы с девушкой вдруг оказались очень близко – на грани приличия.

– Гера, ты? – удивилась она. – Ты что – меня спас? погоди – ты снова пил?

– Я, спас, пил, – отвечать пришлось сразу на три вопроса.

Арина Петровна возмущенно фыркнула, а старичок с котятками в корзине вдруг сказал:

– А вы товарища не ругайте. Он только что кутенка спас! Не только вас!

Ответственный секретарь подозрительно посмотрела на меня, а потом на дедушку:

– Какого котенка?

– Вот этого, рыженького! Нужен вам кутенок? Мы с моей Порфирьевной на рынок едем – даром кутят раздавать! Возьмете кутенка?

– Какой хорошенький... – тут же подобрела Арина Петровна и погладила котика за ушком, но потом собралась с мыслями: – Нет, мы на работу едем. Надеюсь, его возьмут хорошие люди.

– Эх! Все вы бабы такие, а? Сначала поманите, а потом...

– А больно много ты баб знаешь, старый? – встрепенулась Порфирьевна. – Или опять про свою Зинку? Знаю я, что ты к ней через забор лазил...

– Да какой забор, старая, у меня ноги не гнутся... – попробовал оправдаться дедушка, но тщетно.

– Знаю я, что у тебя не гнется! Ишь, окаянный, и тута глазки строит девкам! И ты отвернись, бесстыжая!

– Я?! – Арина Петровна удивленно глянула на агрессивную бабулю, и мне ничего не оставалось, как подхватить свою непосредственную начальницу под локоть и утащить из автобуса – на следующей остановке.

Оказавшись на твердой земле, девушка вернула себе уверенность и царственную осанку и, прежде всего, забрала у меня свою руку.

– Я смотрю, у вас много энергии, Гера, – строго сказала она. – Я вчера говорила с шефом – вместо Шкловского про благородных оленей материал писать будешь ты. Так что можешь сразу собираться – поедешь в БООР, и дальше – бу-

дешь в распоряжении Стельмаха. Пустишь энергию в мирное русло.

Пришлось понуриться, сделав скорбный вид. Она думала, что здорово меня нагрузила, да? Внутри меня один гаденький попаданец торжествующе отплясывал лезгинку: БООР – это Белорусское общество охотников и рыболовов, а Стельмах – старший егерь и непримиримый борец с браконьерством в районе!

– Вы просто разбиваете мне сердце, Арина Петровна, усылая прочь от себя... – с деланой скорбью проговорил я.

Ответственный секретарь снова фыркнула, обаятельно наморщив носик, и зацокала каблуками по асфальту – впереди уже виднелись окна редакции.

Глава 4, в которой появляются олени

«Козлик» Стельмаха с надписью «БООР» на борту лихо подпрыгнул на выбоине в асфальте и затормозил. Чихнув, выхлопная труба выпустила последний клуб дыма, лязгнула дверца, и главный дубровицкий охотник бодро выпрыгнул наружу и зашагал ко мне.

Это был высокий худощавый загорелый мужчина, с копной седых волос и моложавым улыбчивым лицом.

– Это вы – Белозор? – спросил он и протянул ладонь.

– Так точно, Герман Белозор, – я пожал его крепкую руку и улыбнулся в ответ.

– Ян Генрикович Стельмах, директор Дубровицкого отделения Белорусского общества охотников и рыболовов, ну и старший егерь по совместительству. Я смотрю – у вас и фотоаппарат есть? Это очень хорошо! Кадры можно сделать просто отличные! Мы поедем к благородным оленям. Недавно выпустили четырнадцать особей, вожак у них – с такими рогами... – он сделал жест руками, который должен был обозначать раскидистые рога. – Красота! И этой красоты у нас через несколько лет по лесам будет много.

Я оглядел себя с ног до головы и растерянно потоптался на месте.

– Ян Генрикович, а мы можем заехать в универмаг – я хоть кеды куплю, а то в этих штиблетах по лесу бегать – чистой воды смертоубийство! И домой ко мне – за рюкзаком, а то Шкловский должен был ехать, а вон как оно вышло...

– Заедем, почему нет?

Дома я потратил что-то около пятнадцати минут на поиск старого потертого брезентового рюкзака и запихивание в него всего необходимого: смены белья, зубной щетки, полотенца и прочего. Когда забрасывал рюкзак на заднее сиденье «козлика» – обратил внимание на белую «Волгу», которая стояла у калитки Пантелевны, и звонкие голоса на ее подворье. Гости?

Судя по настрою Стельмаха и намекам шефа – в рабство охотникам меня отдавали всерьез и надолго, на пару-тройку дней – точно. Я должен был набрать материала на цикл статей о развитии охотничьего промысла в районе – посоветовали сверху, а от таких советов не отказываются. Кажется, незабвенный Леонид Ильич был заядлым охотником – может, это как-то связано?

В любом случае, переодевшись из цивильных брючек и рубашки в удобные штаны-хаки и серую тенниску, я почувствовал себя гораздо лучше. Оставалось раздобыть кеды – если и не легендарные «Два мяча», то любые другие, потому как рассчитывать на то, что у Белозора водились какие-нибудь адекватные кроссы или берцы, явно не приходилось. Ну, не кирзачи же натягивать, в самом деле?

Универмаг «Ведрич», названный так в честь мелкой речушки, притока Днепра, был одним из самых изобильных мест в городе, не считая «Березки», конечно – даже в моё время, когда сетевые магазины и частные павильоны заполнили город. Стельмах припарковался у районной библиотеки, и я выскочил на улицу, задумавшись о слове «припарковаться». Как нынче звучал этот глагол?

– Гера, Герочка, Герань... – раздался вдруг гнусавый голос, и я вздрогнул от неожиданности.

На покрытых трещинами бетонных ступеньках крыльца библиотеки сидели три типа – из тех классических персонажей, при виде которых пробуждаются древнейшие инстинкты «бей или беги»: картузы, рубашки-тельняшки, мятые брюки-клёш, необремененные интеллектом лица... Совсем молодые, лет по семнадцать-двадцать... Вспомнился виденный краем глаза белогвардейский плакат «ОТЧЕГО ВЫ НЕ В АРМИИ?». Советский Союз же, берут вроде всех и откосить нереально? Или – уже отслужили?

– Гера, так что насчет подгона? Ты обещал всемерно поспособствовать – а всё никак...

Память Белозора выдала кличку старшего из них, голубоглазого башибузука – Сапун (от фамилии Сапунов), и имя – Тимох.

Зная Викторовича, он наверняка не стал бы ничего обещать такой сомнительной личности. Наверняка всё было слегка по-другому, а обещание – это вольная интерпретация

Тимоха. А потому я сказал:

– Ветер переменился. Потом обсудим, лады?

– Ветер, гришь? – Сапун встал, и его соратнички поднялись разом, всем своим видом излучая угрозу. – Гера, а ты не попутал ничего?

Ладонь сама нырнула в карман, кастет удобно лег на костяшки пальцев. Так вот в чем дело, Гера! Вот зачем ты его носишь! Понять бы еще, что за мутки у тебя с этими ребятами... Хлопнула дверь «козлика», выглянул Стельмах:

– Белозор! Какие-то проблемы?

– Никаких проблем, дядя! – откликнулся Сапун и цыкнул зубом на своих присных, развернувшись на каблуках.

Они ушли куда-то в сторону городской набережной, а я развел руками, отвечая на вопросительный взгляд егеря. В конце концов, куплю я кеды или нет?

* * *

Пока мы ехали, Ян Генрикович рассказывал об эпопее с благородными оленями. Оказывается, после войны они остались практически только в Беловежской пуще, и для улучшения популяции привозили самцов и самок из Воронежского заповедника, а после роста поголовья начали расселять по всем районам республики. Животное красивое, из природных опасностей для него только волки, по северу республики – бурый медведь, у нас – рысь может задрать олененка... Бла-

городный олень – украшение леса! Встреча со стадом оленей или с самцом, чья голова увенчана короной ветвистых рогов, – волнующее событие для любого человека, и охотничий азарт тут ни при чем. Но попытки вырастить в наших лесах своих собственных «Бемби» натыкались на серьезную проблему: браконьерство. Целью номер один для этих хищников в человеческом обличье были трофейные самцы, из-за тех самых рогов.

– Значит, есть спрос? – уточнил я. – Народу продают, чтоб шапки-ключи вешали?

Эту моду на рога на стене я еще застал, а оказывается – вон оно что, целый бизнес! Но Стельмах отмахнулся:

– Те рога, что на стене висят, народ у нас сам находит, когда по грибы-ягоды ходит. Ну, бывает, еще охотники наши кому подарят. Стоят они прилично, тут не поспоришь, но не так много, чтобы под статью идти... Тут, товарищ Белозор, дело такое деликатное, что я и как сказать не знаю, и для газеты ли это – тоже понять не могу.

Я весь превратился в слух. «Козлик» петлял по лесной дороге, подсакивая на каждой ямке и оправдывая своё прозвание. Стельмах лихо крутил баранку и курил в окно.

– Я в Квантунской операции участвовал, – сказал он. – В пехоте. С немцем подраться не довелось – мал был, а вот по Маньчжурии мы частым гребнем прошлись, япошек давили. Так вот... У них там особый спрос на живые рога, только-только с убитого животного или вообще спиленные на-

живо, понимаешь? Лучше всего – молодые, подрастающие. Лекарство они делают, ну... – он глянул себе на ширинку.

– Для потенции?

– Ну да! Чтоб конец стоял! – облегченно выдохнул Ян Генрикович.

– А я слышал, у них для Мао целый научный институт занимался вот этими вопросами... – протянул я.

И едва сдерживался, чтобы не начать ему рассказывать про базу браконьеров в заказнике «Смычок». Статью про нее я нашел случайно, когда перебирал архив газеты, будучи только-только начинающим корреспондентом, а потом пристал к Белозору, поскольку авторство там стояло его.

Базу нашли постфактум, когда прокладывали экотропу в 2009 году, на границе Дубровицкого и Жлобинского районов, там, где сливаются две великие реки – Днепр и Березина. Зброшенные землянки, полусгнившие станки для дубления шкур и коптильни, черепа с опиленными рогами – всё это говорило о том, что здесь, пользуясь административной неразберихой и неопределенностью сфер ответственности районных охотхозяйств, отделов милиции и лесничеств, обосновались браконьеры.

– Так, а при чем тут Китай, Ян Генрикович? – спросил я.

– Можешь считать меня параноиком, но я уверен, что молдавские цыганы, которые к нам в июле добираются и скупают драгметаллы, янтарь и всё вот это вот – через них и живые роги идут. Еще – наверняка бобровая струя и хвосты,

я почти уверен. От нас – в Молдавию, оттуда – Румыния, порты... Я ведь почему к главреду вашему обратился? Ну да, про наших егерей в газете написать – дело хорошее. Но журналистское расследование тут было бы нелишним, смекаешь?

– А органы...

– А органы этим заниматься почему-то не хотят. Может, плевать им на оленей, может... Ну, всякое может быть. У меня есть выход на одного майора в Гомеле, из Управления БХСС, но он говорил, что если доказательств не будет, то и шевелиться не станет.

За окном автомобиля мелькали белые стволы берез, мрачно-темные дубы с раскидистыми кронами, густые орешники заполняли собой яры и овраги, над болотянками вдоль дороги вились тучи мошкары, лучи солнца пробивались сквозь листву и заставляли жмуриться и улыбаться, несмотря на всю серьезность обсуждаемой темы. Майское солнышко – оно такое!

В мозгу у меня вертелся вопрос: если Стельмах с такой уверенностью говорит о журналистском расследовании, значит, были прецеденты? Я по памяти мог назвать злободневный и острый «Фитиль», работу великих журналистов Аркадия Ваксберга, Юрия Щекочихина, но это всё союзный уровень. Провинция – это провинция, тут, как известно, ворон ворону руку моет тем самым миром, которым они мазаны... С другой стороны, мой шеф – член райкома партии, он фи-

гура в городе и районе крупная, и с газетой нынче считаются. Может, и получится что... Я-то только за, мне нужно очки зарабатывать, фигурой становиться! Так что вариантов было немного:

– Я в деле. Сколько у нас времени есть?

– Дня три, потом тот майор в отпуск уедет, в Ялту, – Стельмах докурил сигарету и сунул в закрепленную на дверце консервную банку.

За окно не бросил – бережет лес, однако!

– Та-а-ак... А куда мы сейчас едем?

– В Гагали, к Бышику и Пинчуку – это мои егеря-волчатники, заберем их с собой – и к оленям. Ты с ними в пути можешь побеседовать, интервью взять, или как это у вас называется? Эти двое у меня как правая и левая рука. Оба – фронтовики, боевые товарищи... Еще на Западеницине АКовцев и ОУНовцев гоняли, потом на пенсию вышли – и ко мне. Прекрасные стрелки, и мужики бывалые. В основном занимаются организацией охот и отстрелом хищников. Тут не статью – остросюжетный роман писать можно!

Я, впечатленный, закивал – такое с руками оторвут! АК – Армия Крайова, националисты польские, которые с одинаковой лихой злобой воевали против нацистов и против советских партизан в годы немецкой оккупации. А ОУН-УПА – националисты украинские. И воевали с ними аж до 1956 года... Так что егеря эти – явно волкодавы те еще! И если Стельмах дает добро на публикацию материала про них –

значит, знает, что делает. В конце концов, столько лет прошло...

Но мне срочно нужно было как-то залегендировать наводку на базу браконьеров, чтобы закинуть ее БООРовцам, и потому я сказал:

– На обратном пути заскочим в Крапивню, там есть у меня человек один, я его могу про браконьеров этих поспросить...

Крапивня была лесной деревенькой дворов на сто, и каждый первый мужик там держал дома ружье и промышлял охотой.

– М-м-мда? Я вроде всех крапивников знаю, кто это там такой осведомленный?.. Ладно, ладно, журналистская тайна, да?

– Да... – и я не то что бы совсем блефовал.

Во время моей работы в «Маяке» в веке двадцать первом, еще до поездки в Москву, жил-был в Крапивне один вредный дядька, Василий Петрович Стрельченко. Особенно его волновали вопросы благоустройства и дорожного строительства, и ровно в 8:30 утра каждый понедельник у меня в кабинете разрывался телефон – он звонил и звонил, пока ему не отвечали, чтобы выдать пятиминутку ненависти. Злобно, кратко и четко он излагал свои претензии к коммунальщикам и дорожникам, называя имена, фамилии, адреса, пароли и явки. Так что проблем с критическими материалами, коих с нас требовали энное количество в неделю, у меня не

возникало. Разве что приходилось порой и в другие забытые Богом и властями места прокатиться – не будешь же всё время писать про Крапивню?

Сейчас Стрельченке должно было быть лет четырнадцать или около того. И казалось мне, что такие натуры не меняются с возрастом – въедливость и дотошность передаются, скорее всего, генетически. Да и вообще – расспросить местную пацанву было делом неглупым. Мальчишки – они порой информированы куда лучше бабулек на лавочках. Пока бабули работают стационарно, пацаны носятся повсюду и всё видят и слышат, хотя не могут порой правильно интерпретировать то, чему стали очевидцами. В интерпретации бабулям равных нет, тут не поспоришь. Столько версий накидают, что рептилоиды и масоны покажутся серой обыденностью!

Двое пожилых мужчин в одинаковых куртках, скорее похожие на геологов или туристов, чем на смершевцев или чекистов, ожидали у колодца с журавлем. Пинчук носил роскошные моржовые усы и очки на резинке, Бышик – эдакую профессорскую бородку. Только вместо гитар у них на плечах висели чехлы с оружием и патронташи. Судя по выглядывающим из них своеобразного вида патронам – скорее всего, карабины ТОЗ-17, что-то такое я читал про этот изыск советского оружейного дела.

– Бышик, Владимир Иванович, – представился борода-тенький.

– Пинчук, Дмитрий Иванович, – протянул руку усатый. –

Ну что, поехали?

Стельмах только кивнул коротко, выкрутил руль, и мы снова затряслись по лесной дороге.

* * *

После долгого разговора с героическими егерями и двадцати страничек карандашных каракулей с заметками для материала меня, честно говоря, разморило: майское солнце припекало, «козлик» подпрыгивал, моя башка болталась туда-суда, грозя оторваться от тела, но дремота была сильнее, и я очнулся, только когда машина остановилась, заполошно проморгался, вытер стекающую из уголка рта слюну и украдкой огляделся – не заметил ли кто конфуза?

Охотникам было на меня наплевать. Они втроем смотрели в один бинокль и матерились.

– А принца не видать, Генрикович! И вон, гляди, важенка одна хромает!

– Твою мать! – сказал Стельмах. – Это ли не свинство – на оленя весной охотиться?

Я думал, есть всякие инспекции, которые занимаются борьбой с браконьерами... Но эти мужики явно воспринимали ситуацию очень близко к сердцу. Вон как желваки у главного БООРовца шевелятся, и костяшки пальцев побелели. Оленей на опушке было явно меньше, чем рассказывал Ян Генрикович – изящные силуэты семи животных еще

некоторое время маячили на фоне дубовых стволов, а потом порскнули в чашу.

– Пошли, пройдемся, посмотрим... – они расчехлили оружие и зарядили его, взгляды стали злыми, колючими...

У меня вместо винтовки был фотоаппарат, да еще кастет в кармане, так что чувствовал я себя довольно неловко. Пробираясь вслед за Стельмахом по лесной чаще и пытаясь выследить тот самый след, по которому шел старший егерь, пригнувшись к земле и едва ее не нюхая, а потом вдруг сорвался на бег.

Иванычи разошлись по флангам, огибая лесной массив вдоль опушек.

– Сука! – выдохнул старый БООРовец где-то впереди, и я перешел на шаг – торопиться было некуда, он явно нашел то, что искал.

С дыхалкой и кардионагрузками у Геры тоже всё было в порядке: отмахал бодрой трусцой километра три по лесу и разве что запыхался. Будь я в себе – и половины расстояния бы не осилил в таком темпе! Стельмах скрылся где-то в высокой траве, его матерное бормотание слышалось на лесной полянке. Я остановился у могучего ствола липы и прислонился к нему, осматриваясь.

Сначала подумал, что мне показалось, и даже моргнул. Но соломенная шляпа – «капялюш» по-белорусски – действительно медленно двигалась чуть слева от меня. Это был мужик с красным небритым лицом, в жилетке с карманами и

двустволкой-вертикалкой в руках.

– Руки в гору! – сказал он. – Допрыгался, Янчик?

– Чорба, сукин ты сын! – Стельмах встал во весь рост с поднятыми руками. – Твои дела, а? Всё тебе мало? Никак не нажрешься?

Клацнул взводимый курок. Я отлепился, наконец, от дерева, и, моля Бога, чтобы не хрустнула никакая веточка, стал приближаться к браконьеру со спины.

– А я тебя зараз здесь положу, Янчик, и прикопаю. И красноперые твои не помогут – далёко им бежать досюдова... Давай, умоляй меня о пощаде!

Ян Генрикович умолять не собирался. Он только смотрел на этого Чорбу с чистой ненавистью и ни единым движением лица не выдал ему, что за его спиной кто-то есть. Кто-то большой, сильный и с кастетом в правой руке.

Мне ничего лучшего в голову не пришло: я размахнулся, свистнул, Чорба обернулся – и дац! Голова его мотнулась из стороны в сторону, ружье выстрелило дуплетом и отлетело в одну сторону, капляюш – в другую, а сам неудавшийся убийца грянулся наземь рядом с оленьей тушей, которая, как оказалось, лежала тут же, у ног Стельмаха.

Стельмах стоял со стеклянными глазами и ковырялся пальцем в правом ухе.

– Чуть не убил, – сказал он. – Пуля мне аж прическу поправила. Теперь полдня в голове звенеть будет.

Глава 5, в которой есть место гонзо-журналистике

Допрашивали нас по очереди. Как раз – в Крапивне, в участке. Стельмах со всеми сельскими участковыми района имел вась-вась, и поэтому стражи порядка склонны были верить ему, а не мутному Чорбе. Честно говоря, я сильно боялся, что убил горе-браконьера насмерть. Всё-таки организм Германа Викторовича Белозора был покрепче моего, да и кастетами я раньше никогда не пользовался, так что вломил будь здоров!

Ан нет – сидит, болезный, за перебинтованную морду держится. Местный фельдшер из ФАПа травму обработал, сказал, что, скорее всего, имеет место сотрясение мозга. Ну и кожу я ему рассадил будь здоров. А нечего в людей двустволкой тыкать! От кастета я предусмотрительно избавился – спрятал в машине. На вопрос чем бил – ответил, что какой-то железякой. Взял из «козлика» хреновину потяжелее – ей и двинул. Обыск в автомобиле БООРа никто делать не стал. Судя по лицам присутствующих милиционеров и улыбке Стельмаха – для нас всё должно было окончиться неплохо, а для Чорбы – наоборот. Браконьерство – серьезное преступление!

– Ну что ж, товарищ Белозор! – подтянутый светлого-

лосый капитан протянул мне паспорт и пожал руку, а потом процитировал по памяти: – Право на необходимую оборону является одной из важных гарантий реализации конституционных прав и обязанностей граждан по защите от общественно опасных посягательств интересов Советского государства и общества, социалистической собственности, общественного порядка, жизни, здоровья, чести и достоинства советских людей. И вы это право реализовали, выручили товарища Стельмаха. Как с вами связаться, мы знаем, не уезжайте никуда из района в ближайшую неделю... Можете быть свободны.

Я забрал документы и сказал Яну Генри ковичу:

– Пройдусь по Крапивне, пообщаюсь с народом. Журналист я или не журналист?

Тот прищурился и кивнул.

– Встретимся у сельпо через пару часов, потом в Гагали вернемся.

Хлопнула дверь участка, я вышел на крыльцо и потянулся. Неудобные у них тут стулья!

Гогоча, пробежала стая гусей, которую погонял прутиком какой-то пацаненок лет пяти – в трусах и кепке по самые уши. На небе собирались тучки, ласточки заполошно верещали и сновали туда-сюда в режиме бреющего полета. На крыльце сельского клуба кучковался местный истеблишмент: мальчишки лет двенадцати-четырнадцати совершенно безбашенной наружности. Уроки в школе уже кончились, а

расходиться по домам им явно не хотелось – родители запрятут на хозяйстве. Мне это чувство было хорошо знакомо.

Я пересек песчаную улицу и, приблизившись к юным джентльменам, сказал:

– Кто-то хочет заработать рубль?

Пацаны зашушукались. Приехал, понимаешь, городской. Рубль предлагает! Мутное дело, сразу видно!

– А что надо? За самогон спрашивать будете? – уточнил один из них, конопатый и голубоглазый проходимец.

– А хоть бы и так... На Смычке у мужиков купить еще можно?

Джентльмены снова собрались в кучку и пошептались. На сей раз речь держал смуглый и поджарый товарищ в штанах с оттянутыми коленками:

– На Смычке нынче только проблем огрести можно, не совались бы вы туда, если не местный...

– А если местный? Положим, я предлагаю рубль, а вы мне к вечеру бутыль литра на два...

– Нет уж, – ответил смуглый. Он тут был явным лидером. – Ешьте сами с волосами, дядя. В сельпо сходите, там портвейн продается, за гроши. А в Смычок – это яким туеб-нем нужно быть, чтоб переть? Да и не было там горелки на продажу... Может, они себе что и гонят, но чтоб продавать? А если уж так первача захотелось, так это можно у Пырха спросить, у него вчера такой водар над хатой стоял, с ног шибало!

Ну да, молодое поколение уже говорило даже не на родной полесской трасянке, а практически чисто, по-русски, с выпадениями местных словечек. Это и я умел.

– Давай, хлопцы, кто первый до Пырха, тому рубль грошей и пачку пячэння як падарунак. Я до крамы, и чтоб когда пришел – уже было ясно, кольки, дзе и за яки кошт, зразу-мели?

Они прониклись. Не то чтобы Дубровицкий район был белорусскоязычным – в подавляющем большинстве своем писали и читали все по-русски, но до конца изжить из белоруса трасянку и вот эти все «тудой, сюдой, хлопцы, грошы, цётки и дзядзьки», и вечное выбухное «г» – это даже у великой и могучей Москвы не получалось.

«Девушка, а вы москвичка? – Да-а-а, ма-а-асквичка, местная. – А на выходные что делаете? – Да хаты паеду, бульбу у бацькоу капаць!»

Так что хлопцы рванули как подстреленные. Желание купить самогона было отличной версией для обоснования разговора, мотивом для деревенских абсолютно логичным и понятным. Теперь джентльмены на вопрос: «Какого чорта той туебень от вас хотел?» легко ответят: «Гарэлки купить!» А я своего добился: узнал, что в Смычке – лесном массиве в междуречье Березины и Днепра всё еще (или уже?) творятся мутные дела.

Среди белорусов Павликов Морозовых не водилось – только Мараты Казеи. Своих эти юные джентльмены бы не

заложили, спроси я напрямую про оленье рога или охотников. А вот так, слегка прощупать тему – это было вполне приемлемо. Тем более какой-то особой тайны мне выведывать было не нужно, только получить подтверждение послезнания.

Я уже собрался идти в магазин, когда ливанул дождь. Вот только что вроде по небу бегали облачка, совсем безобидные, а прошло каких-то пять-семь минут, и, как у классиков – «грохочет гром, сверкает молния в ночи...» Ну, не в ночи, а просто – в не по-летнему рано наступивших сумерках. Дождь лупил с первобытной мощью, вдалбливал тугие струи в землю, кроны деревьев, крыши домов и шифер навеса над крыльцом, где укрылся я.

Несмотря на непогоду, прибежал конопатый тип – весь мокрый, и, сунув руку за пазуху, извлек оттуда пузырь с мутной жижей:

– С вас – трешка.

– Почему – трешка?

– Два за горелку, рубль – обещанный.

– А чего – два?

– Так за срочность! А еще я батин портсигар Пырху заложил, так что из-за вашей горелки шкурой рискую!

Я полез за деньгами и не удержался – спросил:

– А фамилия твоя как, спекулянт?

– Стрельченко, – сказал он и ни разу меня не удивил.

Дождь закончился так же быстро, как и начался. В участке – деревянном одноэтажном здании с красным флагом над дверью – еще не успели закончить с Чорбой. Егеря пили чай из граненых стаканов в металлических подстаканниках, беловолосый капитан скучал, второй милиционер орал за стеной на браконьера.

Я вошел не постучавшись и поставил на стол бутылку с самогоном. Взгляды присутствующих мужчин сфокусировались на ней с удивительной синхронностью.

– Есть вариант взять логово браконьеров прямо сейчас, пока они не поняли, что их поделщика скрутили, – сказал я.

– Здрасте-приехали, – вытаращился на меня капитан. – Мы здесь, понимаешь, два года пытаемся их за хвост поймать, а тут приходит товарищ Белозор из «Маяка» и по щелчку пальцев выдает результат. Фантастика? Фантастика. И при чем здесь бутылка самогонки?

– Побочный продукт нестандартного подхода к следственным мероприятиям... Или как оно у вас там говорится? В общем, вы не у тех спрашивали.

Капитан явно злился. Я бы тоже злился, если бы в редакцию пришел мент, сел за комп и на раз накатал материал лучше, чем я, да еще – по моей теме, над которой бьешься-бьешься, а всё – никак.

– Давайте сразу договоримся: все плюшки вам, эксклюзивный материал с места событий – мне. И я еду с вами.

– Куда – с нами? – удивились одновременно Стельмах и милиционер.

– Базу накрывать.

– Ян Генрикович, он у тебя идиот? – спросил капитан старшего егеря.

Тот помотал головой.

– Не! Но парень бойкий, сам видишь.

– Та-а-ак... Товарищ Белозор, на кой хрен это тебе надо? – он даже фуражку снял и капли пота со лба утер – после дождя парило.

– Гонзо-журналистика, – ответил я.

– Чего ты материшься? – удивился милиционер. – Нормальная у вас журналистика, и газета нормальная... Не то что у мозырян, например.

– Говорю, советский журналист должен быть с трудовым народом, плечом к плечу. Если надо – по уши в мазуте, если придется – с лопатой на поле, или как сейчас вот – в первых рядах на страже закона и живой природы родного края. Не сторонним наблюдателем, а прямым участником событий! Иначе – говно получится, а не материал. Сплошной формализм и отсебятина.

– Допустим, – поднял палец вверх капитан. – Только допустим, что я уговорю Привалова дать добро на публикацию. И что – ты прямо к базе нас и отведешь?

– Отведу, – кивнул я. – Хотя сейчас. Только нужны будут лодки, иначе часа четыре добираться будем.

– Та-а-ак! – снова протянул капитан и нахмурил брови. – Признавайся давай, в чем подвох?

– Смычок, – пожал плечами я. – И черт знает, сколько там тех браконьеров. Может – трое, а может – дюжина. А больше нет никакого подвоха.

– Твою мать, – сказал милиционер и заорал: – Гапоненко! Кончай мурыжить подозреваемого и дуй сюда! У нас тут намечается войсковая, чтоб ее, операция.

* * *

Не знаю, какие высшие силы задействовал милицейский капитан с соответствующей его белобрысой голове фамилией Соломин, но на рассвете я уже сидел в одной лодке с Яном Генриковичем и крапивницким участковым – сержантом Гапоненко, и сжимал в руках весла, как самый здоровый и бесполезный. Место на карте-то я уже показал!

Хотел вовлеченности и погружения – вот вам, пожалуйста.

Таких лодок было с десятков – Стельмах поднял егерей, начальник всея районной милиции – полковник Привалов – прислал пару каких-то заспанных дядек в гражданке и целую толпу народа в форме. Был и кинолог с собакой.

Над разлившейся широкой Березиной клубился туман,

звуки разносились над водой громко. Утреннее солнце лениво поднималось над рекой, разгоняя рассветную хмарь. Лодка резко ткнулась носом в песок, и я, сдавленно матерясь, принялся тереть ушибленное веслом колено – на спине глаз еще не придумали, а старшие товарищи предупредить меня о том, что река закончилась, не удосужились.

Капитан Соломин подошел ко мне и погрозил пальцем:

– Ну, смотри мне, товарищ Белозор... Если мы в епархию жлобинцев зазря полезли – не сносить нам головы. И тебе и мне.

Через плечо у него висел раструб мегафона, и я тут же вспомнил Жеглова. Ну да, тут пока еще никакие «всем лежать, работает ОМОН» не водятся, все подобные мероприятия проводят опера и вот такие капитаны Соломины.

– А я от ответственности не бегу, – глянул я ему в глаза. – Могу у вас по правую руку стоять, или там – по левую, как скажете.

– Ну-ну, – хмыкнул Соломин.

Милиционеры и егеря рассредоточивались по лесу. Хмурые дядьки в гражданском – опера из уголовного розыска – как-то удивительно быстро спелись с егерями-Иванычами. Наверняка или служили вместе, или были знакомы. И движения у них казались одинаковыми, и колющие взгляды, и походка – от такой походки в дрожь бросает. Тут никакие белозоровские габариты не помогут – эдакий дядечка отправит в нокаут или на тот свет так, что даже и моргнуть не успеешь.

Хрупали под подошвами веточки, шелестела хвоя и пожелтая листва. Тропинок тут было немного – густой подлесок и заболоченные низины не оставляли пространства для маневра. Я уверенно вел Соломина, Стельмаха, Гапоненко и оперов с егерями к ложбине, в которой и располагался лагерь браконьеров – мне довелось побывать тут с экскурсией, когда открывали экотропу. Правда, никаких выложенных камешками дорожек и чистенького, будто причесанного газона тут не было: грязная, едва видная стежка, буреломы, колючие кустарники и ветки, которые так и норовили выколупать глаза и отхлестать по щекам.

– Да ну! – удивился Ян Генрикович, когда я ткнул пальцем в нужном направлении. – Никогда бы не подумал, что там есть какое-никакое удобное место. Я ведь ходил здесь раз двести, мимо вот этих зарослей хмызняка...

Оглянувшись на милиционеров, он поманил их за собой и, пригнувшись, двинул вверх по небольшому холмику. Взобравшись на вершину – приняхался и удовлетворенно кивнул:

– Самогон гонят и мясо коптят. Расслабились. Эх, давно пора было за Смычок браться... – но наткнулся на скептическое выражение лица Соломина и умолк.

Заказник «Смычок» и в мое время был местом, за которое велась вялотекущая борьба между двумя районами, а нынче, несмотря на мифы о тотальном контроле и всемогущей бюрократии, – неразберихи было гораздо больше.

Милиционеры разбежались в стороны, окружая ложбину, я с фотоаппаратом занял позицию чуть позади капитана – и даже сделал пару кадров, как он героически вещает в микрофон:

– Граждане браконьеры!.. – и всё прочее, соответствующее моменту.

Дальнейшее прошло довольно обыденно: никакой стрельбы и лихачества. Пятеро несвежего вида мужичков вышли с поднятыми руками и были приняты и запакованы милиционерами, еще один, одетый поприличнее, попытался бежать, но черно-серой молнией метнулась белозубая собачка и сбила его с ног, опрокинув ничком и взгромоздившись на спину всеми четырьмя лапами. Это мне тоже удалось заснять – должно было получиться эпично.

Соломин допрашивал задержанных, Стельмах ходил меж землянок и матерился, подсчитывая бобровые шкурки, черепа с опиленными рогами, килограммы мяса. Опера тоже осматривали, разве что не обнюхивая, каждую подозрительную ямку и щелочку.

Наконец, раздался торжествующий свист.

– Гляньте, хлопцы, какая штука! – Тайник был найден под разлапистыми корнями покосившегося вяза, и теперь из него тащили самый настоящий пулемет «максим» с бронешитком и легендарным кожухом для водяного охлаждения ствола.

Эхо войны? Тут было несколько трехлинеек, даже немецкий MP-40, ошибочно именуемый «шмайсером», пара «лю-

геров»... На лице капитана Соломина появилось мечтательное выражение, когда он отвлекся от допроса и осмотрел все эти находки.

– Гера! – сказал он, перестав именовать меня «товарищем Белозором». – С меня магарыч.

* * *

В Гагали, к охотничьему домику, мы добрались только вечером. Доблестная милиция нас долго не отпускала – всякие бумажные и процедурные моменты затянулись всерьез и надолго, потом ждали Привалова вместе с руководством Жлобинского РОВД, перед которыми нужно было сделать реверансы и провести экскурсию.

Сам полковник Павел Петрович Привалов – грузный мужчина с мощными предплечьями и квадратным лицом – не посчитал ниже своего достоинства подойти ко мне и пожать руку:

– Не ожидал, не ожидал... Я твои статьи постоянно читаю и думал – ты в основном по архивам сидишь или там у музыкантов интервью берешь. А тут – орел! Если еще чего накопаешь, вон, связывайся с Соломиным. Сработаемся!

Я тут же обнаглел и сунулся с темой про большой и красивый материал, на разворот, подав всё в ярких красках: мол, напишу о героизме милиционеров, небезразличии простых советских людей, охране природы и взаимодействии с БО-

ОР и егерской службой. И попросил пару слов для комментария. Если сам Привалов в статье отметится, у шефа варианта другого не будет, как в печать ее дать.

– Хрен с тобой, делай! Можно будет еще и профилактику правонарушений сюда приплести, мол – неотвратимость наказания... Только принесешь лично мне на согласование! – тут же добавил ложку дегтя главный районный милиционер.

Но в общем и целом – я трясся на переднем сиденье стельмаховского «козлика» с чувством глубокого морального удовлетворения. И даже совсем не расстроился, когда, останавливая машину у крыльца домика, Ян Генрикович воодушевленно улыбнулся и сказал:

– Сейчас поужинаем, примем по сто грамм чего там ты в Крапивне надыбал, и спать! Слышите, хлопцы? Никаких посиделок ночных! Завтра подъем в пять утра!

Дождавшись-таки от меня вопросительного взгляда, старший егерь глянул на меня своими синими сияющими глазами настоящего фанатика природы и заявил:

– Мы ведь должны написать статью про оленей, верно? И про оленей напишем, какие проблемы?

Глава 6, в которой появляется прекрасная незнакомка

Мы умудрились до семи утра отснять оленей, я дочиркал в блокноте заметки для материалов о БООРовцах, с зеленой тоской вспоминая смартфон, который облегчал работу журналиста на триста процентов. Да и за обычный диктофон с мини-кассетами я бы многое отдал – например, постоянно лезущие в глаза Герины волосы, которые бесили и раздражали. Решил точно – раздобуду диктофон и постригусь.

В полвосьмого «козлик» Стельмаха уже въезжал в Дубровицу со стороны строящейся новой районной больницы. За окнами мелькали бесконечные домики частного сектора, редкие магазины и заспанные прохожие с насупленными лицами. Я боялся представить, на что была похожа моя физиономия: совершенно дикие последние три дня не могли на ней не отразиться.

Таким образом я оказался возле дверей редакции одновременно с уборщицей Лидой, которая подметала крыльцо.

– Герман! – удивилась она. – Вы почему так рано? И где пропадали?

– В лесу, Лидия Ивановна, в лесу! Есть кто в редакции?

– То-то я на тебя смотрю – ты весь всклокоченный, и травинки в волосах... Чисто – лесовик! А в редакцию толь-

ко-только Шкловский пришел.

Даня Шкловский – это хорошо. У него можно одолжить кофе! Топоча ботинками по кафельному полу и цепляясь брезентовым рюкзаком за конченную штукатурку, я прошел по коридору и заглянул в отдел сельской жизни:

– Данил Давидыч, утро доброе!

– Ого! Гера, ты как на войне побывал! Два дня ни слуху, ни духу, потом шеф тут чуть ли не по потолку бегал – что-то ему там Привалов наплел... Хочешь кофе? – его лучащиеся добром и позитивом хитрые еврейские глаза выражали целый спектр эмоций.

– Да! Кофе, кофе, только кофе!

Никакого капучинатора, никакой микроволновки и электрочайника на редакционной кухне не было. Зато был холодильник, временами ревущий, как раненый зверь, и электроплитка, и много шкафчиков, и диван, и табуретки, и стол, накрытый клеенкой. С лимонами. Лимоны были нарисованы так кисло, что во рту тут же начала скапливаться слюна. Одним кофе тут не обойдешься – благо заботливые БООРовцы снабдили меня половиной буханки хлеба и здоровенным шматом вяленого браконьерского мяса... То есть мясо было кабанятиной, а не браконьерятиной, конечно. До такого в своей ненависти к классовым врагам егери еще не дошли.

– Кабанятину будешь? – спросил я у Дани.

– Буду, – сказал сей представитель избранного народа ничтоже сумняшеся.

Интересно, он неверующий, или дикий кабан и домашняя свинья в чем-то принципиально отличаются друг от друга? В общем, сварив на плитке в небольшом сотейнике, который выполнял роль кофеварки, крепчайший напиток, мы уселись за столом и вот-вот были готовы приступить к кофейной церемонии, как в кухню сунулась русая голова Жени Старикова – нашего фотокоора.

– О! – сказал он.

– Садись! – сказали мы.

Женя был парень что надо, это память Геры тут же выда-
ла. И с ним нужно было дружить, если хотелось получить
снимки в срок. Он заведовал фотолабораторией.

– У меня есть коржики «дамские пальчики», – сунул Же-
ня руку в свою сумку. – Папа испек.

Он уселся на табурет, налил себе кофе, а мы попробовали
коржики.

– Пальчики оближешь, – сказал Даня.

Нам со Стариковым оставалось только закатить глаза –
ох и шутник! По коридору строго зацокали каблучки, и мы
переглянулись: это совершенно точно была Езерская. Ари-
на Петровна зашла на кухню и воззрилась на нас, нахмутив
бровки:

– Доброго утра! Белозор, вернулся? Зайдешь – расска-
жешь, что принес с задания.

– Ариночка Петровначка! – сказал я. – Садись, кофею вы-
пей. Вот, возьми мою чашку, я еще из нее ни глоточка не сде-

лал. А я нового сварю, и заодно всем расскажу, что за дичь со мной происходила... И мысли в кучку собираю, перед тем как разворот писать.

– Как разворот? – удивилась ответственный секретарь. – Ты про оленей собрался тысячу строк наваять? Губозакаточную машинку выдать? Только со склада привезли партию...

– Губозакаточную не надо, а вот печатную – это я только за! – Вот тут я увидел три пары круглых глаз и понял, что прокололся.

Белозор очень долго привыкал к компьютеру, долбил клавиатуру одним пальцем и ничего кроме простейших функций Ворда не освоил. Видимо, так же дело обстояло и с машинками. Почерк у Викторовича был каллиграфический, и он наверняка отдавал рукописные статьи наборщице Фаечке. И вдруг просит печатную машинку!

Насыпая Данин кофе щедрой рукой в сотейник, я вспомнил про Штирлица, который знал, что лучше всего запоминается последняя фраза, и потому тут же зашел с козырей:

– Мы со Стельмахом поймали банду браконьеров! И Привалов разрешил сделать про это разворот!

Даня поперхнулся кофе, Женёк принялся стучать его по спине, а Арина Петровна вздохнула и покачала головой.

– В общем, мы поехали фотографировать стадо оленей, которое завезли к нам из Беловежской пуши, и наткнулись на какого-то типа, Чорбу – он чуть Стельмаха не пристрелил...

К концу моего рассказа на кухне собралось полпредакции.

Их недоумение было понятно – Белозор считался парнем нудным, кропотливым, флегматичным. А тут в него будто вселился кто-то – экспрессия так и прет, жесты размашистые, рассказ эмоциональный, в лицах... Когда я закончил, Женёк Стариков зааплодировал:

– Тебе, Гера, к нам в Народный театр надо. Ты, оказываешься, талант!

– Мне не надо в театр. Мне нужно материал писать, – сказал я и пошел к себе в кабинет.

На столе стоял маленький Ильич и укоризненно на меня хмурился. Действительно – что-то я, кажется, перегнул палку сегодня. Мало ли что они подумают? С другой стороны, у меня была отличная отговорка. Гера только-только приехал из длительной поездки в Москву, потом вот жизнью рисковал... Может, у него в башке что-то переклинить или нет? Может, еще как.

Я честно попробовал писать от руки. Но пользоваться чернильной перьевой ручкой мне раньше не доводилось, да и вместо каллиграфического белозоровского шрифта получались мои родные каракули. Черт его знает, как это работало. А если нужно будет расписаться, я что буду делать? Эта мысль заставила меня полезть за паспортом, и я тут же, на листке бумаги принялся старательно копировать подпись – благо с этим было проще. Викторович просто писал свою фамилию – практически печатными буквами, и загогулисто ее подчеркивал. В основном я тренировал эту загогулину.

Вдруг дверь в кабинет с грохотом отворилась, и появились аппетитные ягодицы Арины Петровны, затянутые в узкую строгую юбку. И кто сказал, что в СССР одеваться не умели? Явно – было бы желание!

– Гера! Чего сидишь? Помоги! – прошипела девушка, которая пятилась задом, явно удерживая в руках что-то тяжелое.

Я вскочил и кинулся отбирать у нее древнего вида печатную машинку.

– Гордись! – сказала она. – Хотели в музей редакции ставить. Ундервуд! Довоенный еще!

– Ух ты! – сказал я. – Буду осваивать. Арина свет Петровна, проси у меня что хошь, так и знай – я твой должник.

Ответственный секретарь как-то безответственно смирила меня с ног до головы оценивающим взглядом.

– А что? Ты мне подойдешь... Гляди, только не испугайся в последний момент!

– Не испугаюсь. Приказывай, а я слушаюсь и повинуюсь. Езерская совершенно по-злодейски улыбнулась, и я понял, что месть ее будет страшна и ужасна.

– Мы еще картошку не посадили. Муж на северах, отец в одиночку не может... Нужно навоз по огороду разбросать, потом конь перепашет. Так что суббота у тебя занята, так и знай.

О женщины! Коварство ваше имя! И муж у нее, оказывается, есть! Какого черта Гера про это не вспоминал и поче-

му это она кольцо не носит? С другой стороны, я что, имел на нее виды? Мутить с коллегой – это моветон и чревато. А потому – морду кирпичом:

– Ариночка Петровна, предупреждаю сразу – я работаю за еду. А ем я очень много!

– Вызов принят, – сказала Арина Петровна. – Значит, в восемь утра, улица Первомайская, дом пятнадцать, в рабочей одежде, суббота.

– А суббота у нас...

– Послезавтра. Возьми у Фаечки ленту для машинки, если что, она тебе поможет разобраться...

А мне не нужно было помогать. У меня у деда нечто подобное стояло, так что с этими механическими монстрами я был знаком довольно хорошо. Самое главное – раскладка клавиатуры почти не отличалась от компьютерной клавиатуры, разве что буквы «ц» и «э» располагались черт-те где, но к этому можно было привыкнуть.

Мне понадобилось что-то около четверти часа, чтобы настроить и подкрутить и смазать этого зверя, по имени «Ундервуд», а потом я заправил в него два листа и копирку и с упоением принялся долбить по клавишам. Кажется, в качестве реакции на мои потуги изобразить дятла в кабинет заглядывали все, кто шел в туалет или на кухню, но мне было наплевать. В такие минуты отвлечь от работы меня было можно, только огрев по башке чем-то тяжелым.

Начинать с самого скучного – такое было правило. На сей раз скучного у меня не было, но перед тем, как сесть за написание разворота о браконьерской эпопее, я сделал заметку про оленей и три материала – о Стельмахе, Бышике и Пинчуке, героических егерях. Они получились не просто любителями поразвлекаться на охоте и пострелять по живым мишеням, а рачительными хозяевами, стражами леса и вообще – большими умницами.

– Гера! – сказал шеф, когда я принес ему первую партию макулатуры, покрытой машинописным текстом. – Я вас не узнаю. Кажется, Москва вас здорово поменяла.

– Переходный возраст начался, – пожал плечами я.

А что я должен был ему сказать?

– Это когда тридцатник на носу? – недоверчиво блеснул очками товарищ Рубан.

– Мы, Белозоры, поздние, Сергей Игоревич, – и поскорее сбежал, чтобы он еще чего-нибудь не спросил.

И пошел обратно, в кабинет – ваять нетленку. Хотя – какая нетленка? Газетное дело отличается тем, что написанный материал чего-то стоит только в данный момент времени. Может, и останется он где-то в подшивках, и обратит на него внимание какой-нибудь педантичный исследователь, но в целом уже через неделю всем становится наплевать.

Газета – это не искусство и не творчество. Это производство. Здесь не нужны гениальные литераторы и тонко чувствующие натуры, зависящие от вдохновения. Нужны текстовики-ремесленники, которые сядут – и нафигачат столько строчек, сколько нужно.

Ремесленники, конечно, тоже могут быть разными: один клепают кирзовые сапоги, другой – пляжные шлепанцы. И журналисты в районках тоже разные: например, такие, как Белозор-настоящий, для которого главным всегда являлась фактология и точность, и текст у него получался таким, что ни один въедливый цензор не мог найти, до чего доколупаться. Правда времени на такие опусы уходила уйма. Или – такие, как я, которые пишут запоем, как Бог на душу положит, изгаляясь и играя словами, и стараясь поразвлечься во время работы. Даже если материал об очистных сооружениях городской канализации или каком-то проходном мероприятии в доме престарелых. За иронию и неуместные отсылки можно огрести по шапке, но можно и здорово поржать, встретив на улице понимающего читателя. Такие журналюги не встают с места, пока не сделают дело, а потом маются дурью – мячик о стенку бросают, чай гоняют, кино смотрят на рабочем месте и по городу носятся в поисках всяких интересных. И бесят коллег своим несерьезным поведением. Как же: не будешь притворяться занятым – нагрузят еще больше! Да ради бога, пусть грузят.

– Герман Викторович, я ключик вам запасной оставляю,

замкнете редакцию, как закончите? – заглянула в кабинет уборщица Лида.

Я вздрогнул и сказал:

– Ага!

Оказалось, за окном уже был вечер, на столе лежали проявленные и отпечатанные Стариковым снимки, и в редакции разве что перекасти-поле не телепалось по пустым кабинетам и коридорам. Вместо статьи у меня получился остросюжетный приключенческий рассказ, основанный на реальных событиях, и я понятия не имел, пустят такое в печать или нет. Вся надежда была на Привалова – если полковнику понравится, то и все остальные скушают, и не поморщатся. На фото он получился красиво, в тексте его сотрудники выглядят настоящими героями – почему бы и не одобрить?

С другой стороны, «яканье» даже в моей независимой си-неокой республике не любили, наверняка и в СССР предпочитают замятинское «МЫ». А у меня – я то, я это... Гонзо-журналистика провинциального пошиба.

Наконец, я встал из-за стола и с хрустом распрямился. Грехи мои тяжкие! Один экземпляр статьи – криминального триллера оставил на столе, второй – вместе с фотками сложил в самопальный бумажный конверт. Конечно, оставил тот, который через копирку, а важному милиционеру показывать буду неповторимый оригинал.

Редакцию закрывал с чувством выполненного долга.

К остановке у городского Дома культуры подошел желтый «Икарус»-гармошка и с грохотом распахнул двери. «Икарус» – это к удаче. Почему? Потому что ездить в ЛАЗах решительно невозможно, особенно – если ты большой и крепкий мужчина и совесть постоянно заставляет уступать место маленьким и слабым, так что лучше и не садиться вовсе. А стоять в проходе салона ЛАЗа – мука мученическая.

«Икарус» же – по местным временам просто чудо венгерской инженерной мысли, шедевр пассажирского автомобилестроения. Просторный, высокий, тут и перила удобные – есть, за что ухватиться и на что опереться... В общем, сплошное счастье. Тем более салон был полупустой, и мне даже удалось присесть на обитое дерматином сиденье и поклевать носом минут пятнадцать, пока автобус не затрясло на железнодорожном переезде – скоро должна была быть родная Слободка.

Засиделся я в редакции серьезно, и желудок мой подвывал от голода – на часах стрелки стремились к девяти вечера. А потому домой я летел как на крыльях, грели душу воспоминания о перловой каше с говядиной – консервах, которые хранились как НЗ в буфете. Соседские собаки за заборами принялись брехать одна за другой, передавая эстафету друг другу и обеспечивая мне звуковое сопровождение на протя-

жении всего пути.

«Волга» у калитки Пантелевны так и стояла – гости, видимо, приехали надолго. Через свой забор я перегнулся, нащупывая рукой щеколду, и удивленно хмыкнул – она была открыта. Наверное, забыл закрыть, когда торопился к Стельмаху. По дорожке, вдоль которой росли увядшие без полива и заботы цветы, прошел к дому, отпер дверь и швырнул рюкзак в сени. Туда же отправилась и провонявшая майка с рубашкой. В одних брюках и тапках на босую ногу пошел в баню – в баке должно было хватить воды, чтобы обмыться, это было насущной необходимостью.

В траве стрекотали кузнечики, дуровато орала какая-то ночная птица, доносилось сумасшедшее кваканье лягушек с реки. Звезды были невероятно яркими, неиспачканными яркой иллюминацией и неонов рекламы. Засмотревшись на небо, я так и дошел до баньки и потянул на себя дверь за металлическую ручку – и только потом осознал, что в бане горит свет!

Испуганный женский вскрик заставил меня немедленно дверь захлопнуть и попытаться осознать: что за дивное видение передо мной предстало мгновение назад?

– Милая девушка, – сказал я громко, глядя на оструганные доски двери и пытаясь собраться с мыслями. – Я вовсе не имел намерения вас пугать и, можно сказать, даже рад встрече. Но так уж вышло, что это моя баня, и я только что приехал, и хотел бы ей воспользоваться. Но вы не стесняй-

тесь, заканчивайте спокойно – я пойду чаю заварю.

И пошел себе обратно к дому, а перед глазами у меня стояли распахнутые в испуге зеленые глаза, четкие линии скул, разрумянившиеся щеки, прикушенная нижняя губа... А еще руки, прикрывающие высокую грудь, стройная талия, отличные спортивные ножки и... Ну и всё остальное, на что смотрит мужчина, неожиданно встретивший в своей бане красивую молодую женщину в наряде Евы.

Если бы я верил в любовь с первого взгляда, то, наверное, влюбился бы. А так – открутил вентиль газового баллона, зажег плитку, поставил чайник и задумался – одну чашку доставать или две?

Глава 7, в которой речь идет о прицепе

– Нет, эту гадость вы есть не будете. Я схожу к Клавдии Пантелеевне и кое-что принесу, а вы даже не смейте доставать консервы, – сказала Таисия. – Как раз успеете в баню – пока парилка не остыла. Придете – поужинаем.

Таисия, Тася – так она представилась. Чудесное видение оказалось внучатой племянницей Пантелевны, приехавшей (за рулем «Волги», сама!) из Мурманска – к нам на юга. Шутки шутками, но для жителей сурового Заполярья наше Полесье с его летней жарой в тридцать градусов, огурчиками, помидорчиками, грушами и яблоками было настоящим курортом. Как оказалось, маршрут был наезженным, популярным. Обитатели берегов Северного Ледовитого океана приезжали поваляться-позагорать на днепровском берегу и искупаться в реке, посмотреть на высоченные деревья, понюхать цветочки... Вот уж точно – всё познается в сравнении!

Каким образом эта северная красавица оказалась в моей бане? По широте души Пантелевны, конечно! Неугомонная соседка по каким-то своим неизвестным бабусячьим каналам узнала, что уехал я всерьез и надолго, а потому решила, что от баньки не убудет, если в ней кто-то попарится, а по-

том приберет за собой. Тем более что для нее и еще парочки самых порядочных и чистоплотных соседей такое негласное разрешение существовало – еще когда матушка Геры была жива. Не все ведь жили так зажиточно, и не у всех был холостой сын-журналист с неплохой зарплатой и знакомствами по всему городу. Правильную баню сладить – дело непростое!

Вообще, представить, что в родном 2022 году некая зеленоглазая валькирия лет эдак двадцати пяти сама наносит дров, наберет воды и разожжет огонь – это было довольно сложно. Я встречал таких девушек, да – в турпоходах. И даже среди рюкзачно-палаточной братии они были большой редкостью. Подтянутые, собранные, способные сначала пройти двадцать километров по пересеченной местности с семидесятилитровым рюкзаком за плечами, потом – помыться тремя литрами воды, приготовить ужин из банки тушенки и безбожно украденной на колхозном поле картохи и сохранить настрой для того, чтобы петь песни под гитару и танцевать у костра до полуночи. К моему сожалению и их счастью, такие девушки уже были чьими-то верными подругами и правильными женами, и мне с ними ничего не светило.

А тут вдруг появилась Тася. Сложно было про нее не думать, а потому во второй заход в жаркую парилку я взял березовый веник и хорошенько отлупил сам себя, прогоняя дурную кровь из головы и других мест. Наверняка она тоже чья-то верная подруга и правильная жена.

Отмылся до стерильного скрипа при помощи колючей мочалки, с содроганием взялся за опасную бритву, лихо-радочно вспоминая наставления Раида – одного знакомого араба из студенческой общаги, который как-то учил меня пользоваться этим оружием маньяка... Порезался всего один раз, и, конечно, – в районе сонной артерии, чтоб совсем страшно было. Освежился одеколоном «Кремль» в странном флакончике – запах оказался приятным, интересно, откуда у провинциального журналиста что-то кроме пресловутого «Тройного»? Шикарно живете, товарищ Белозор!

В дом я входил как будто заново рожденным. Портила впечатление только домашняя одежда – классическая майка-алкашка и треники. Благо – всё было по размеру, без вытянутых коленок и желтых пятен.

С кухни доносились одуряющие запахи, и, повинуясь велению собственного желудка, я устремился туда.

* * *

Таисия сидела за столом – в домашнем платье в синий цветочек и с полотенцем, намотанным на голову в виде тюрбана. Перед ней стояла сковорода, накрытая крышкой – это и был источник манящих ароматов. В руках девушка держала книгу, время от времени перелистывая страницы, и я присмотрелся к обложке. «Одиссея капитана Блада. Хроники капитана Блада» Рафаэль Сабатини. Однако!

– Я думала – тут есть вторая часть! – сказала она и отложила книгу в сторону. – Про то, как Питер и Арабелла поженились и жили на Ямайке, в Порт-Ройяле.

– Разочарование, правда? Вместо продолжения – вбоквел, – ляпнул я, не подумав.

– Что? – взмахнула ресницами девушка.

– Вбоквел. Ну, знаете, американцы называют продолжение – сиквелом, предысторию – приквелом, а «Хроники...» и «Удачи капитана Блада» – соответственно вбоквел. Расширение имеющейся истории, иногда – с другими персонажами.

– А-а-а-а! А что, есть еще и «Удачи...»? – честно говоря, ее увлеченность Сабатини заставляла мое сердце биться чаще.

– У меня нет, но в библиотеке имени Крупской – видел! – видеть-то я видел, но через сорок лет... Но книжка была потрепанной, старой, а библиотека – еще старше, так что могло и повезти. – Завтра буду в редакции – зайду, там недалеко.

– Да? Было бы здорово! – искренне улыбнулась она, а потом спохватилась: – Ой! Чего это я? Вот, кушайте! Картофельные зразы – эти с фаршем, а эти – с грибами!

Бульба – это великая вещь! Несть числа прекрасным блюдам, которые из нее можно приготовить! Говорят, в изобретательности в этой области с белорусами никто не может тягаться – даже ирландцы, второй народ бульбашей. Я набросился на еду, стараясь сильно не заляпаться в масле и хотя

бы не чавкать. Таисия встала из-за стола, подошла к плите и стала наливать чай, поглядывая на меня из-под опущенных ресниц.

– Вы так смотрите, что мне прямо неловко, – сказал я.

– Извините, – она поставила на стол красные чашки в горошек, кинула по кубику рафинада, развернула шоколадку, шурша фольгой. – Я просто тысячу лет не видела, как ест мужчина.

Я поперхнулся зразой и закашлялся, Таисия стала хлопать меня по спине.

– У вас сильные руки! – не выдержал и прокомментировал я.

– Биатлон, – сказала девушка и села рядом. – Я в Мурманске работаю тренером по биатлону, тренировала женскую команду. Представляете – женский биатлон не включен в состав олимпийских видов спорта. Очень обидно! У нас очень перспективные кадры, в Союзе.

– Так вы еще и стреляете? Слушайте, вы какая-то неимоверно идеальная: зразы готовите, капитана Блада читаете, машину водите и спортсменка, и вообще...

– Что – вообще?

Я, наверное, покраснел, потому что вспомнил, какой увидел ее в первый раз. Это было очень, очень впечатляюще.

– Хоть женись на вас, – вот что я ответил, стараясь перевести всё в шутку, и улыбнулся.

Она улыбнулась в ответ, но, кажется, в глазах у нее появи-

лась затаенная грусть:

– Что, и прицеп не испугает?

– Что за прицеп? – не понял я.

«Волга» у ворот Пантелевны никакого прицепа не имела.

– Ничего, ничего. Давайте сковороду, уже десять часов, мне пора... Доброй ночи, Герман.

– Доброй ночи, Таисия. Спасибо за зразы – очень вкусно.

Я проводил ее до калитки и стоял, провожая взглядом, пока она не скрылась в дверях избышки Пантелевны. А потом пошел допивать коньяк, потому что уснуть обычным способом мне сегодня тоже явно не светило.

* * *

– Дядя Герман, дядя Герман! – меня разбудил тоненький детский голосок и запах ванили.

Это было очень неожиданно, потому как детей в холостяцкой берлоге отродясь не водилось, как и выпечки с ванилином. Так что я насторожился, но виду не подал: открыл сначала один глаз, потом второй и сфокусировал зрение на белокурой и голубоглазой девочке, лет четырех-пяти. На ней было желтенькое застиранное платьице и сланцы-вьетнамки.

– Здравствуй, юное создание, – прохрипел я.

– Я не юное создание, – надула нижнюю губу девчоночка.

– А кто ты?

– Я Вася, то есть Василиса!

– А я не дядя Герман.

– Ой! – испугалась Вася. – Я, что ли, перепутала?

– Нет, не перепутала. Просто мне не нравится, когда меня зовут «дядя», можно просто – Гера.

– А-а-а-а! – она наморщила нос и тряхнула головой. – Хорошо!

Два смешных хвостика тоже затряслись, а я подумал, что она довольно бойкая барышня для своих лет.

– Я чего пришла? Мы бы вдвоем с Асей пришли, но Аська маленькая еще и спит. Это мама сказала, чтоб я вам завтрак принесла! Вот – в тарелке на столе блинчики с творогом.

– Тебе.

– Мне? – удивилась Василиса.

– Нет, ты просто сказал – «вам», а я тут один потому – «тебе».

– А-а-а-а! – хвостики снова затряслись. – Понятно! В общем, кушайте блинчики, а я пошла домой, там у бабушки Клавды курочек надо кормить.

– погоди, юное создание! А мама у тебя кто? – я уже почти окончательно проснулся, но соображал всё еще туго.

– Я не юное создание, дядя Герман! – Вот же маленькая симпатичная вредина! – Я Вася! А мама – Тася!

Блинчики были что надо. И про прицеп я всё понял. Замечательный такой оказался прицеп.

– Ну ты молодец, товарищ Белозор! Прямо братья Вайнеры и Юлиан Семенов в одном флаконе. Я вот это сейчас возьму и отправлю своему свату. «На страже» – знаешь такую газету? Вот там он работает. Если не возьмут в печать – поеду хвосты крутить. Вот честно – мне очень понравилось. Остро сюжетно – хоть кино снимай, – полковник Привалов лил бальзам мне на душу огромными бочками. – Щас, погоди, я шефу твоему наберу...

Он схватил телефонный аппарат и своим толстым пальцем ткнул в выемку напротив нужной цифры на диске. Тр-р-р-р-р – вжи-и-и-к! Это вам не смартфон свайпить!

– Сергей Игоревич? Привалов беспокоит! Да-да, у меня сидит. Не-е-е-ет, наоборот! Конечно! Давай я с райкомом всё улажу, даже не переживай. На субботу? Отлично! Номерок мне отложи, я автограф у твоего Белозора возьму. Так знаменитостью скоро будет! Отправлю его в «На страже»! Да-а-а, и не спорь! Ладно, ладно, оформлю...

Он положил трубку, взял из пепельницы отложенную тлеющую сигарету и затянулся:

– Ну и жук этот ваш Рубан! Теперь я для наших пенсионеров пятьдесят экземпляров «Маяка» буду выписывать. И как это у него получается? Ладно, акула пера. Не отвлекаю больше. Ты это – заходи, если чё. Держи в курсе. Журналист-

ские расследования это, конечно, хорошо, но опасную самодеятельность не разводи, ладно? Ну, и я со своей стороны... Если будет что-то интересное для публикации, то сразу к тебе Соломина отправлю. Тебе хорошо – строчки, и нам хорошо – галочки в графы «Профилактика правонарушений» и «Освещение в местной прессе»!

Намек я понял, пожал его могучую ладонь и ретировался. Оказывается – такие полковники тоже бывают. Мужик мужиком – правильный, крепкий, прямой. Но непрост, ох как непрост! В объятия к такому кидаться точно не стоит – задушит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.